

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ПОКА СВЕТИТ
СОЛНЦЕ

Пограничник

Александр Конторович

Пока светит солнце

«Автор»

2013

Конторович А. С.

Пока светит солнце / А. С. Конторович — «Автор»,
2013 — (Пограничник)

Падающий камешек срывает громадную лавину. А пролетевший метеорит втягивает в свою орбиту менее крупные обломки, усиливается за их счет и притягивает к себе совсем уже немаленькие камни... Это – закон природы. Так и случайно промелькнувший на полях сражений одинокий человек – потенциальный «черный бушлат», бывший зек Манзырев, становится причиной неожиданных и странных изменений в ходе военных действий и не только. Попавший к сотрудникам Управления «В», дневник Манзырева стал первопричиной очень многих событий. Эти события втянули в свою орбиту совершенно посторонних людей, ничего об авторе дневника не знавших. Метеориты... они бывают не только в космосе.

Александр Конторович

Пока светит солнце

Март 1942 года

Управление «В» НКВД СССР

С самого утра день не задался, над отсыревшей от дождя землей нехотя скользили темно-серые тучи. И ничего, казалось бы, не предвещало хоть какого-нибудь улучшения погоды. Но, ближе к полудню, внезапно налетевший ветер разогнал облака, и обрадованное солнце тотчас же залило все своими яркими лучами. От земли пошел пар. Приободрились и часовые, до сего момента приподнявшие воротники шинелей, чтобы пронзительный мокрый ветер не забирался бы за шиворот.

Огибая подсыхающие лужи, к зданию штаба управления подходили несколько человек. Протопав по коридору, они остановились перед тяжелой дубовой дверью начальника. Их ждали, секретарь, выйдя из-за стола, предупредительно распахнул дверь, приглашая их в кабинет полковника.

– Ну-с, дорогие товарищи, присаживайтесь!

Начало ничего хорошего не предвещало. Чернов только рано утром вернулся из Москвы и заперся в кабинете, что-то обдумывая. Всем руководителям отделов было приказано прибыть на совещание к тринадцати часам. Повестка совещания не оглашалась, но сопоставив визит к руководству наркомата и испортившееся настроение полковника, можно было предположить, что привезённые им новости будут далеко не самыми приятными.

Некоторое время в кабинете царил тишина. Начальник управления что-то писал на листе бумаги, время от времени приподнимая голову и окидывая собравшихся рассеянным взглядом.

– Ну... примерно, так... – отложил он наконец ручку. – Я вижу, товарищи, вы в некотором недоумении пребываете?

– Я так полагаю, товарищ полковник, – вежливо отвечив Молин, – что вы не станете долго держать нас в неизвестности?

Чернов только усмехнулся.

– Не стану. Вчера меня вызывал нарком. Нет, никаких претензий к нашей работе у него нет. Пока нет.

– Простите, Михаил Николаевич, – взял слово Гальченко. – Но ведь совсем недавно руководство даже выражало нам свою благодарность! Что-то поменялось?

– Нет, Александр Иванович, пока не поменялось. Пока! Но, нарком высказал мне своё удивление... относительно количества подготовленных нами специалистов – и вот тут мне возразить было нечего! Сколько человек мы выпустили в прошлом месяце?

– Старших групп – четырнадцать человек, – прокашлялся Благов. – Групп, прошедших боевое слаживание – восемь. Четверых инструкторов по оперативно-тактической подготовке, после окончания обучения, направили в распоряжение наркомата. Итого – пятьдесят восемь человек.

– То есть – менее двух взводов? – прищурился полковник.

– Да.

– И какова будет боевая эффективность от применения такого количества бойцов?

– Простите, товарищ полковник, – покачал головой Молин. – Но деятельность наших специалистов нельзя оценивать по тем же параметрам, что и работу обыкновенного бойца!

– А по каким можно?

– Мы... мы ещё не разработали для этого подробной методики... – развел руками Благов.

– И что я должен ответить наркому? – ехидно поинтересовался Чернов.

Присутствующие переглянулись, никто ничего не сказал.

– Итак! – встал со своего места полковник. – Да, вы сидите, чего уж там... Перед нами поставлена задача увеличить выпуск. Как минимум – вдвое! На фронте тяжело, немец забрасывает в наши тылы хорошо подготовленную агентуру – и в массовом количестве! Особисты просто перегружены работой! Нарком настоятельно просил – пока просил, оказать максимально возможное содействие нашим товарищам.

– Товарищ полковник... – развел руками Благов. – Мы и так работаем с полной отдачей. Не вопрос – можно удвоить усилия. Поменьше поспим... Но, с кем прикажете работать? Курсантов-то больше нет! Мы и так самым тщательным образом перепроверили все предоставленные нам списки – больше никого подобрать не удалось. А новых списков нет!

Преподаватели дружно закивали головами, соглашаясь с начальником отдела обеспечения учебного процесса.

Полковник вопросительно посмотрел на кадровика, тот смущенно развел руками.

– То есть, если я вас всех правильно понял, проблема состоит в отсутствии пригодных кадров? – вкрадчиво спросил Чернов.

– Скорее, в том, что процесс комплектования курсантов идет очень медленно, – ответил кадровик. – Никакой командир, разумеется, не хочет отдавать перспективного бойца. А уж найти таких кандидатов среди комсостава – и вовсе проблематично. Они все задействованы на своём месте, и я могу понять их руководство!

– Ну, что-то подобное я и представлял... – поджал губы начальник управления В. – И соответствующее решение уже есть! Товарищей Гальченко и Молина попрошу остаться, прочие – по распорядку!

Дождавшись, пока за ушедшими закроется дверь, полковник вытащил из стола два листа бумаги.

– Держите!

«Настоящим удостоверяется, что предьявитель данных полномочий выполняет ответственное задание по линии Управления кадров НКВД. Имеет право знакомиться со всеми личными делами военнослужащих и гражданских лиц. Требовать предоставления дополнительных данных, назначать проверку, в том числе и оперативным путем. Всем командирам частей и подразделений, сотрудникам Особых отделов, независимо от занимаемой должности, предлагается оказывать всемерное содействие в выполнении тов. ... порученного ему задания. Предоставлять в необходимых случаях транспорт, и выделять личный состав для оказания поддержки».

Подпись...

– Однако... – покачал головой Молин. – Сам Меркулов подписал?

– Он самый. Так что, как понимаете, вопрос поставлен весьма серьезно! Вас, товарищ Молин, я попрошу взять на себя лиц, проходящих лечение в госпиталях и вновь направленных в учебные подразделения. Среди них, несомненно, имеются кандидаты с солидным боевым опытом. Так сказать, несколько знакомая вам стезя – обучение...

– Ясно. Справимся, товарищ полковник.

– Срок – месяц! Понимаю, что времени в обрез... но, ничего поделать не могу!

– Ну, на такое-то время я отъехать вполне способен, окончание учебы завершит и мой заместитель. Краев вполне уже освоился в качестве преподавателя, месяц выдержит!

– Теперь вы, Александр Иванович! – повернулся к майору Чернов. – У вас задача будет несколько иной. Как вы хорошо знаете, из числа бойцов и командиров погранвойск, по при-

казу Верховного сформированы специальные части. По поддержанию порядка в тылу, борьбе с вражескими диверсантами и много ещё с чем.

– Да, Михаил Николаевич, я про это знаю.

– Так вот! Опыт общения с пограничниками у вас громадный, эту категорию людей вы хорошо успели изучить – вам и карты в руки! Срок – тот же! Особо вас заменить нам пока нечем...

– Ну, со стрелковой подготовкой у нас есть кому справиться. Барсову привлечь могу, ещё пара человек есть... вытянут! Вот со всем прочим... это уже сложнее будет.

– Ну, нам пока для глубокого внедрения людей и не готовить, переживем. Уж месяц-то продержимся!

– Тогда и вопросов нет, – пожал плечами майор. – Когда прикажете приступить к выполнению задания?

– Сегодня же!

Два дня спустя

Штаб Юго-Западного фронта

Вынырнувший из-за поворота автомобиль, притормозил перед опущенным шлагбаумом. Со стороны рощицы, которая закрывала от посторонних глаз КПП, недружелюбно уставился черный зрачок ДП. Стараясь не перекрывать пулеметчику сектор обстрела, к машине подошёл боец в темно-зеленой фуражке.

– Попрошу ваши документы, товарищи!

Приоткрыв дверь, водитель протянул бойцу красноармейскую книжку. Сидевший рядом майор подал свои бумаги.

– Товарищ Гальченко?

– Я, – ответил пассажир.

– По какой надобности следуете в расположение штаба?

– В командировочном предписании все сказано – выполнение задания командования.

– И всё же?

– Товарищ сержант, а вам не кажется, что здесь не самое удобное место для таких вопросов? Все предыдущие посты не были настолько любознательными, как вы!

– У нас своё начальство... – философски заметил сержант, поправляя на плече ППД. – Извините, товарищ майор, но вам придется проследовать к нашему командиру! Без его приказа я не могу вас пропустить.

Майор пожал плечами и приказал водителю съехать с дороги и заглушить двигатель. Судя по дотошности сержанта, проверка быстро не закончилась бы.

Провожаемый бойцом, которого направил с ним сержант, Гальченко прошел около двадцати метров и остановился перед окопом. Не перед пулеметным гнездом – этот окоп находился чуть в стороне и был хорошо замаскирован. Так, что даже вал из мешков с песком смотрелся издали как естественный холмик. Навстречу ему поднялся командир пограничников. Капитан в такой же, как и у своих подчиненных, зеленой фуражке.

– Капитан Ракутин, товарищ майор! – отдал честь пограничник. – С какой целью вы следуете в расположение штаба?

Не отвечая, майор пристально взгляделся в лицо Ракутина. Сжал губы. При этом на его лице явственно проступил шрам от давнего удара холодным оружием.

Замолчал и пограничник. Он тоже с интересом разглядывал подошедшего, словно пытаясь что-то вспомнить.

Провожавший майора боец, уловив непонятную паузу в разговоре, насторожился, его рука скользнула к винтовке. Не меняя позы, майор вытянул левую руку и перехватил движение провожатого. Подержав его руку в своей несколько секунд, он разжал пальцы и отпустил бойца.

Да только легче тому не стало! Рука словно свинцом налилась.

– Я не мог вас видеть раньше, товарищ майор? – прервал паузу командир поста.

– Очень даже возможно... – ответил тот, что-то обдумывая. – Только... вот, как мне кажется, на вас тогда была совсем другая форма... там было жарко...

– Так и вы, вроде бы, тогда не нашу носили!

Щелкнули затворы – находившиеся около капитана бойцы повскакивали на ноги.

– Спокойно, товарищи! – поднял левую руку майор. – Ваш командир имеет в виду Испанию, не так ли? Там, действительно, никто не ходил в нашей форме. Так, товарищ Ракутин?

– Так... и все же – попрошу ваши документы!

– Извольте! – майор протянул грозную бумагу, полученную от Чернова. – Этого хватит?

– Д-м-м... Да, товарищ майор, вполне!

– Вот и хорошо, – убирая документы, произнес Гальченко. – Собственно говоря, товарищ капитан, я, некоторым образом, и по вашу душу приехал! Думал, в штаб вас вызывать. Ан – вот оно всё как повернулось! Отойдем-ка мы в сторонку... есть разговор.

Успокаивающе кивнув старшине, который собрался было последовать за своим командиром, Ракутин выбрался из окопа и отошел в сторону – туда, где на земле лежало несколько бревен.

– А в чем, собственно, дело... товарищ Александр, так, если не ошибаюсь?

– Ваша фамилия мне встретилась в материалах Особого отдела фронта. А посмотрев на фото, я заметил, что и лицо ваше мне знакомо. Ну и помимо этого имелись некоторые сообщения... Только ведь как все это получилось, не пойму что-то? Вы – кадровый командир, специалист по диверсиям в тылу врага – и старший КПП? Не маловата должность?

– КПП у штаба фронта? Я бы это ссылкой не назвал! – вспыхнул капитан. – Тут тоже фронт, товарищ майор! Третьего дня была попытка прорыва диверсантов, я двоих бойцов потерял!

– И все же, товарищ Ракутин? Я ведь не праздный вам вопрос задаю! И не из простого любопытства интересуюсь! Вы мои документы видели!

– Ну, – пожал плечами капитан, – если уж вам так всё интересно...

– Интересно! Вы уж постарайтесь, пожалуйста, вспомнить все.

И Ракутин вспомнил...

– Товарищи командиры! – возникший на пороге сержант осмотрел присутствующих пограничников. – Попрошу вас всех на выход – самолёт уже готов!

С сожалением прервав беседу с симпатичной соседкой-военврачом, капитан Ракутин поднялся со своего места.

– Ну что же, Анна Михайловна, вот и не удалось нам с вами толком поговорить! Ну, ничего, время есть, жизнь идёт! Авось, ещё и встретимся когда-нибудь! – попрощавшись с девушкой, поднял он с пола свой чемодан.

Та в ответ только чуть приопустила свои красивые пушистые ресницы. А что и говорить, хороша случайная знакомая, даже и просто посмотреть на неё – и то уже приятно!

Следуя за расторопным сержантом, пограничники вышли на частично освещенное поле аэродрома. Тут, несмотря на позднее время, царило оживление. Торопливо пробегали куда-то поодиночке красноармейцы, сновали автомашины, подсвечивая своими фарами эту кутерьму. Огибая стороной всё это непонятное столпотворение, капитан только диву давался – с какого рожна вдруг затеяли эту непонятную беготню? Что такого стряслось? Да, напряжение последних дней, казалось, заставляло всех работать быстрее, но отчего такой трудовой порыв охватил всех именно сегодня?

Ещё вчера утром Ракутин, сидя в кабинете, заканчивал писать обстоятельную справку по результатам проверки своего участка Киевского укрепрайона. Документ получался основательный и весьма подробный, так что результатом труда лейтенанта могли стать многочисленные плюхи самому широкому кругу причастных лиц. Ибо ляпов отыскалось предостаточно. Причём, в самых неожиданных местах! Где-то инженеры, прокладывая связь к огневым точкам, попросту не подключили проводные линии к аппаратам. И уже доведённые до огневых провода сиротливо болтались в воздухе в полуметре от телефона. В некоторых местах, движимые самыми загадочными побуждениями эксплуатационники, вдруг распорядились о переделке уже построенных укреплений. Причём, до такой степени капитальной, что в ряде мест пришлось снимать обваловку железобетонных дотов, чтобы пробить в их массивных стенах дополнительные амбразуры. Отчего никто не подумал об этом ещё в период постройки – так и осталось для проверяющих загадкой. Присутствующий в комиссии полковник инженерных войск, сорвал голос, наводя порядок и отменяя большую часть таких распоряжений, как совершенно неоправданных и ошибочных. А некоторые укрепления вообще оказались частично разукомплектованными – отсутствовали пулемёты и пушки. Не только в дотах и дзотах, но и вообще на складах! Их просто не привезли. Не хватало боеприпасов, не были обозначены сектора обстрела, не отмаркированы проходы и т. д. и т. п. Лейтенант вообще дивился тому, что при таком масштабе бардака, хоть часть укрепрайона как-то умудрились построить.

– Что вы хотите, товарищ лейтенант госбезопасности? – устало ответил ему полковник. – Подобные сооружения и без того строить трудно, так тут ещё и дергают туда-сюда. Сегодня – одна установка, завтра – уже другая. А послезавтра – третья! Ведь это не одиночный окоп пехотинца – его за пару часов не перестроить! Вот и допускают подобные ляпы... В большинстве случаев – не по злему умыслу. По недостатку опыта, да и задержаны люди, в подобных случаях и не такие ещё навороты выходят, вы уж мне поверьте! Я не первый год с инспекциями езжу, нагляделся...

– Пулеметы и пушки тоже по недостатку опыта не завезли, товарищ полковник? – поинтересовался тот.

– А вот тут уже ваше поле деятельности, товарищ Ракутин! – отрезал инженер. – Соответствующие распоряжения были своевременно отданы, и с мест даже отчитались об исполнении. Где-то совершенно искренне – вы и сами это видели. А вот отчего в подобных случаях народ откровенно врал – тут уж вы сами и разбирайтесь! Я этого понять не могу! Почему своевременно наверх не доложили? Что, элементарное чувство самосохранения подвело? Такие вещи долго скрывать невозможно – первая же проверка все и выявит. На что эти люди рассчитывали?

Полковник в сердцах сплюнул на землю и потянулся за папиросами. Достал пачку, вытащил одну и постучал ею о коробку. Прикурил и уже более спокойным голосом продолжил излагать свои проблемы.

– Ладно, про то, что бетон хреновый, я уже вообще молчу, хорошо, что хоть такой-то есть! Арматуры – и той не хватает, что в бетон пихают, даже представить не могу. Людей мало, на все просьбы и напоминания – молчок! Пушек новых вообще нет – Кировский завод план по выпуску Л-17 не выполнил. И не только сюда их не поставили – везде так!

– Так что же, товарищ полковник, выходит, укрепрайон не готов?

– Как полноценная боевая единица – нет. И ведь, заметьте! – поднял он вверх палец. – Наша с вами комиссия – далеко не первая. И что? Воз и ныне там! Более того, с части уже построенных укреплений снимают вооружение и вывозят его в новые укрепрайоны. Не буду оспаривать этот приказ – возможно, что наверху и виднее. Но, помяните мои слова – когда припрёт, в дотах будут сидеть простые пехотинцы с трехлинейками. А не обученные пулроты со штатным вооружением. Рекомендую указать всё это в своём рапорте. Может быть, хоть ваше учреждение сможет сделать так, чтобы этого не произошло...

Вот и сидел лейтенант над рапортом третьей сутки, пытаясь сжато и лаконично описать увиденное и сформулировать свои выводы. Худо-бедно, но это выходило. Так что оставалась надежда закончить, наконец, с осточертевшей писаниной и заняться чем-нибудь более приятным. В принципе, оставалось не так уж и много. Все факты были изложены, обобщены и оставалось только закончить, написав выводы. И в этот самый момент, брякнул телефон на столе.

– Лейтенант Ракутин у аппарата!

– Вот и хорошо, – послышался в трубке голос капитана Калюжного, начальника отдела. – Зайди-ка ко мне!

Заперев бумаги в сейф, лейтенант потянулся, украдкой бросив взгляд в зеркало. Этот совершенно неуставной предмет он притащил в отдел сам, удачно прикупив его на рынке по пути на службу. Старое, сделанное, небось, ещё при царе, зеркало было на удивление хорошо сохранившимся. И к Ракутину в кабинет стали частенько заглядывать сослуживцы, которым предстояло идти на ковер к начальству. Или на свидание с девушкой... И в том и в другом случае, требовалось выглядеть безупречно.

Вот и сейчас, лейтенант, осмотрев своё отражение, остался в глубине души вполне доволен увиденным. А что? Стройный, крепко сложенный и где-то даже красивый (если верить знакомым девушкам) – и за что такого на ковер к начальству?

Но, делать было нечего, с руководством не поспоришь... надо идти.

Пройдя по коридору третьего этажа, он спустился вниз и вскоре уже стоял перед дверью начальника отдела.

– Разрешите войти, товарищ капитан госбезопасности?

– Давай, заходи! Присаживайся. Что там с рапортом?

– К вечеру завершу. Всё уже обобщил, осталось только выводы написать.

– То есть – всё, в целом, готово?

– Готово.

– Вот и славно! Ибо дописывать сей труд будет за тебя лейтенант Смирницкий.

– Не понял... – удивлённо поднял бровь лейтенант.

– А нечего понимать. Держи, – хозяин кабинета протянул Ракутину несколько листов бумаги. – Ознакомься...

«...Принимая во внимание осложнившуюся оперативную обстановку... учитывая необходимость качественного повышения уровня подготовки командного состава погранвойск... в кратчайший срок направить в войска командиров, имеющих боевой опыт, аттестовав их по соответствующей линии...»

– Товарищ капитан! Так это же про пограничников?

– Дальше читай, – буркнул Калюжный.

«...инспекторскому управлению ГУГБ НКВД направить, согласно данному распоряжению... лейтенанта госбезопасности Ракутина Алексея Александровича, с присвоением ему общевоинского звания – капитан...»

О-фи-геть...

Алексей опустил на стол бумаги.

– Как это, товарищ капитан?

– Вот так! Думаешь, я больше тебя знаю? Из нашего управления шесть человек забирают – всех в погранвойска. Ладно ещё, ты хоть раньше там служил, опыт имеешь, служба новой не станет. А вот Магонин из третьего отдела – вообще с флота пришел, его-то каким боком в пограничники?

– Так тут, – кивнул Ракутин на приказ, – сказано – с боевым опытом. А Витька на Халхин-Голе повоевать успел.

– Но ведь не в пограничных же войсках! Понятно, если бы вас в армию требовать начали. В разведку там или ещё куда... Ну какой из него пограничник? Разве что вдоль границы ходить, своим видом страх на шпионов нагонять?

Алексей хмыкнул. Магонин действительно внушал почтение своим внешним видом. Высокий и широкоплечий, с мощными бицепсами – желающих испытать его на прочность, в управлении не нашлось.

– Короче говоря, час тебе на сдачу дел – и в кадры! Приказ подписан уже, ваши документы к этому времени будут готовы, – капитан встал.

Поднялся и лейтенант.

– Немного мы с тобой вместе поработали, – протянул ему руку Калюжный. – Что поделаться – так уж вышло! Удачи тебе на новом месте! И про нас не забывай! Заходи, если что...

«Ладно, – думал Алексей, шагая по коридору. – Это какое же у меня, по счету, место службы будет? Пятый погранотряд да КВЖД – это как, за одно место считать, или за два? И то и другое – погранвойска, будем считать, что одно. Вот уж где пострелять-то пришлось... Спецшкола – второе место. Испания – это уже третье. Хотя, там не только бои были, пришлось и головой поработать... А вот ХОЗУ, куда меня в тридцать седьмом зафигачили, прямо после Испании – как считать? Боевого опыта я там точно не приобрёл, разве что во всяких железяках порылся основательно... Нет, четвертым местом службы такую работу назвать нельзя. А вот участие в комиссии по расследованию создания партизанских отрядов – вот уж здесь-то плюсики поставить можно. Чего там только не наслушались! Побольше бы подобной «учебы»... разве что не такой ценой... Ну, Финская – тут вопросов нет. Как раз тогда и младшего дали – было за что. Пять. Твердая пять! Инспекторское управление – последнее место службы, стало быть, всего шесть. А пограничники? Это снова за одно место считать? Нет уж... теперь я капитан, уже не безусый мальчишка – старшина на кухню не пошлёт! Стало быть – семь! Весело... в следующий раз, наверное, к соратникам Магонина пошлют...»

В управлении кадров тоже долго сидеть не пришлось. И хотя он оказался там не единственным, кто ожидал подобного назначения, много времени вся эта волокита не заняла. Уже через час свежее испеченный капитан-пограничник вертел в руках новые документы. Из командировочного предписания явствовало, что он обязан в кратчайший срок прибыть во Львов, где Алексея ожидало назначение на должность командира заставы. Времени только-только хватало для того, чтобы забежать домой, прихватить кое-что с собою в дорогу.

И ещё одна причина для этого имелаась. Вместе со старым служебным удостоверением, оставшимся у кадровиков, там же остался и штатный наган. Личное оружие ещё только предстояло получить на новом месте службы. Странно, сколько Ракутин себя помнил, такого раньше не было. Получив револьвер ещё в 1934 году, Алексей таскал его с собою всюду. Кроме, разве что, Испании – там своё выдали. Логичным было бы и сейчас оставить наган прежнему хозяину. Ан нет! Вроде и ведомство одно... а порядки странные какие-то...

– Вам по штату пистолет «ТТ» полагается, – пояснил кадровик. – Только вот, служба вооружения подкачала – не привезли. Ничего, не переживайте. Днем уже на месте будете, там и получите.

А ходить без оружия капитан отвык. Не то, чтобы он кого-то опасался – насовать по наглой морде двоим-троим гопникам Алексей и без револьвера мог качественно. Но... привык.

Потому и спешил домой. Там, в шкафу, под грудой старых журналов, мирно подрёмывал его наградной пистолет. Тяжелый браунинг тридцать пятого года, полученный им от своего командира в тридцать девятом – Хаджи-Умара Мамсурова ещё за финскую войну. Было дело...

– Смотри сюда! – лейтенант Никитин чуть заметным движением подозвал к себе Алексея. – Домик видишь? Тот, что наособицу стоит?

Осторожно раздвинув ветки, так, чтобы ненароком не стряхнуть с них снег, младший лейтенант быстро окинул взглядом хутор. Пяток домиков, сарайчики... утопанные тропинки между ними. Из печных труб струился жидкий дымок.

– Что скажешь? – Никитин протянул ему бинокль. – В него лучше видно.

Приближенные биноклем, домишки словно прыгнули к ним. Так... Ага...

– Тут люди. Достаточно давно.

– С чего ты это взял? – командир, достав из сумки сухарь, разломил его и протянул Ракутину половинку.

– Тропинки хорошо утопаны – ходят по ним давно. Окна в домах замерзли, стало быть, люди в домах есть.

– Уверен?

– Да. В пустом доме окна никогда не замерзают.

– Угу...

– Дым из труб слабый, значит, сильно протапливать дома не нужно, они и так уже нагрелись. Оттого и дым из труб такой – несильно топят.

– Людей на хуторе много?

– Домишки маленькие... человек пятнадцать-двадцать, пожалуй.

– Почему не больше?

– Лыжи. Их финны в снег втыкают около входа, вот я их и сосчитал. Может быть, и ещё кто-то есть, но тогда это уже не солдат. У охотников лыжи чуток пошире будут, чтобы по глубокому снегу ходить. А эти, что в снегу торчат, все одинаковые на первый взгляд.

– Разумно мыслишь! Офицер тут есть?

Бинокль снова уставился своими глазницами на домики. Минута... другая...

– Есть!

– Где?

– Во втором доме. Туда сейчас солдат пробежал, котелки понёс. А из них пар! Не иначе, как горячую воду их благородию потащил. Утро уже, бриться и умываться надобно.

Лейтенант опустил на подстеленную плащ-палатку оптический прицел от трофейной снайперской винтовки, в который он, в свою очередь, разглядывал хуторок.

– Согласен. А в том домике у нас что? – рука Никитина ткнула в отдельный домик, тот, на который он указывал в начале разговора.

И что он в нём такого углядел?

Домишко-то, пожалуй, что и похуже всех прочих будет... что в нём интересного? Стекла – так и вовсе в одном окне. Остальные забиты досками. Забиты? А отчего тогда не все доски прибиты снаружи? Верхняя часть окон – тут сомнений нет, забита и плотно. Нижняя... вот тут не всё ясно...

– Что-то там с окнами... непонятное.

– Пулемет там. Нижняя часть окон закрыта щитами – они изнутри прикреплены. Уберут – вот тебе и амбразуры! Дом стоит хорошо – основные подходы пулемет простреливает и дорогу под прицелом держит.

Вот, значит, как... Стало быть, это не просто приبلудные лахтари на огонек забрели. Здесь оборудованная база. И на ней сидят не простые солдаты. Нет, они тут тоже, конечно, есть. Но, кроме них тут ещё и офицер. Вполне возможно, что не один...

А ведь именно их-то и разыскивал отряд лыжников. Уже неделю шарили они по лесам, пытаясь отыскать тех, кто руководил нападениями лахтарей. Мамсуров, по одному ему известным разведанным, очертил на карте район поисков. Проникнув за линию фронта, разведотряд тихо-тихо пробирался внутрь выбранного района. Позади него остались передовые гарнизоны белофиннов и даже один склад с боеприпасами. Вот уж где хотелось разгуляться на полную силу! Но, увы... полковник строго-настрого воспретил любые попытки хоть как-то навредить

противнику. И, как выяснилось, не зря! Вот оно, то самое место! Отсюда планируются налеты на наши колонны, здесь сидят те, кто управляет этими неуловимыми лыжниками. Ну, что ж, ребятки, теперь вы на своей шкуре узнаете – каково оно, когда на тебя из леса вдруг выскакивают беспощадные бойцы!

– Задача ваша будет следующей, – отвлёк младшего лейтенанта от размышлений голос командира. – Утром, как только сменят часовых, ты с бойцами захватываешь пулемёт. После этого вы должны прикрыть нас огнём и не дать финнам организовать сопротивление. А мы, тем временем, нанесём визит господам офицерам. Организуем им внеплановую побудку, так сказать... Задача ясна?

– Всё ясно, товарищ лейтенант!

– Ну, а раз так – лежи и наблюдай за объектом. Когда часовых менять станут, когда у пулемётчиков смена... Всё, что засечешь – на карандаш! Часа через три тебя сменят – отдохнешь.

Время тянулось медленно, а морозец, между прочим, совершенно не собирался спадать! Щеки Ракутина быстро задубели и ему, время от времени, приходилось закрывать лицо шарфом и плотнее прижимать опущенные уши у шапки, чтобы хоть как-то согреться. Правда, и без того неважная слышимость, в этом случае ухудшалась совсем уж невыносимо. Приходилось снова высовывать лицо на мороз.

Через пару часов к нему подполз сменщик, и младший лейтенант обрадовано передал ему свой пост.

К обеду картина жизни хуторка была уже вполне ясна. У пулемета дежурило четыре человека. Трое солдат и вяникки – у него на поясе была видна кобура с пистолетом, а в бинокль удалось разглядеть знаки различия, когда он, сбросив полушубок, выскочил на улицу, чтобы умыть лицо снегом. Надо полагать, он и был старшим на посту.

В лесу находился ещё один пост – Ракутин видел, как уходила туда смена и возвращался сменившийся часовой.

– Твои соображения? – Никитин протянул младшему лейтенанту открытую банку мясных консервов.

– Угум... – ложка очутилась в его руках почти моментально. – Часовой в лесу...

– Не твоя забота – уберём.

– Ага...

Очередная порция мяса провалилась в желудок. Интересно, а как консервы здесь разогревали? Не костер же разводили? Но проследив за тем, как лежавший рядом боец, прячет за пазуху очередную банку, Ракутин всё понял. С сожалением подобрав ложкой остатки еды, он убрал её и спрятал под выворотень пустую банку.

– Тут я вот что разглядел... – ткнул рукою в сторону хутора Алексей. – Часового меняют каждые два часа – это понятно, он на морозе торчит. А вот пулемётчики – в тепле! Оттого и смена у них приходит реже. Они по четыре часа там дежурят.

– Ну и что? – поднял бровь командир.

– А то, что до туалета им дотерпеть трудно! Но, около дома им старший поста это делать не разрешает. Вот они в кустики-то и бегают, причём, от офицеров за домом прячутся. Надо думать, им тут за это уже нагорело.

– Точно?

– Я даже следы на снегу видел – это уж ни с чем не перепутать!

– Хорошо, – кивнул лейтенант. – Нам-то с этого какая польза?

– Солдаты из домика по одному выбегают. И даже оружия не берут. А как назад воротятся – просто кулаком в дверь стучат. Им и открывают...

– Ну... – приподнял заинтересованно бровь командир.

– Дождусь, когда очередной солдат в кусты поскачет... да и заменю его в лесу... Вместо него в дом и войду...

– Нормально! Ишь ты... Кто пойдёт?

– Я и пойду.

– Смотри, – качнул головою командир. – Лопухнуться мы не можем, численного перевеса наш отряд не имеет. Всего-то два десятка бойцов, считая нас с тобой, а финнов, как минимум – столько же. Кого с собою возьмешь?

– Деревянко и Карпина – они парни грамотные и опыт у каждого соответствующий. Деревянко и по-фински говорить может, мало ли что?

Обоих бойцов младший лейтенант знал уже достаточно давно – месяца по три. А во время войны – это срок! Неразговорчивый здоровяк Илья Карпин, при всех своих габаритах, передвигался по лесу так, словно провел в нём всю свою жизнь. Ни шороха, ни стука – как привидение! А Григорий Деревянко был великолепным стрелком и рукопашником – в борьбе ему просто не было равных во всей роте. А кто знает, что ждало отважную троицу внутри дома? Какие сюрпризы могли их встретить за дверью?

Вернувшись на пост, Ракутин увидел, что на хуторке кое-что уже поменялось. Около домов стояли: легковой автомобиль с цепями на колесах и небольшой броневилок.

– Это что за гости такие к нам пожаловали? – спросил Алексей, после того, как подполз к наблюдателю.

– Полчаса, как пришли, – ответил тот, передавая младшему лейтенанту бинокль. Из легковушки два офицера вылезли, по самые носы шарфами закутанные. Прошли в дом – их местное начальство встречало.

– И сколько здесь местных?

– Тоже двое. Один чуток постарше, надо думать, тутошний командир. А эти, что в машине приехали, видать, птицы важные, он перед ними только что не расстился!

– Броневилок с ними пришёл?

– С ними. Водитель к пулеметчикам убежал, с ним ещё один солдат ушел. А стрелок – тот в броневике остался.

– С чего ты это взял?

– Так он там курит! – кивнул наблюдатель в сторону броневика. – Из всех щелей дым идёт! Холодно ему там! Вот куревом и согревается.

Словно бы подтверждая слова бойца, из дома с пулеметом выбежал финский солдат. Подбежав к броневика, он постучал кулаком по броне. Лязгнув, отворилась дверь, и оттуда выбрался ещё один солдат. Они о чём-то коротко переговорили, и пришедший, хлопнув своего предшественника по плечу, полез внутрь железного гроба.

– Фигово... – почесал в затылке Алексей. – Ещё одна пулеметная точка...

Пулеметчики в броневике менялись часто – каждый час. Видимо, выдержать больше в этом промерзшем железном ящике не получалось. А Ракутин терялся в догадках – отчего такие меры предосторожности? Понятно, что две пулеметные точки друг друга прикрывают и обеспечивают большую защиту, нежели один пулемет в домике. Но, отчего финны сделали это именно сейчас? Дождавшись смены, он отполз в лес и поделился своими сомнениями с командиром. Поразмыслив, они оба пришли к выводу, что дело, скорее всего, в личностях двух приехавших офицеров. По-видимому, они являлись достаточно серьёзными гостями. И оттого, подобные предосторожности были вполне оправданы. А из этого следовало и то, что ещё одним дежурным пулеметчиком дело не ограничится. Финны лопухами уж точно не являлись – следовательно, должны организовать посты и на противоположном краю хутора. Там лес подступал к домам почти вплотную. И, хотя из-за глубокого снега, подойти к домам незамеченными стало весьма затруднительно, учитывать такую возможность они просто обязаны.

– И что ты на это скажешь? – командир, склонившись над картой, повертел в руках карандаш.

– Один пост, да подмена... человека три-четыре они на это дело выделяют.

– Плюс часовой в лесу у дороги, дежурные пулеметчики... в домах народу мало будет.

– И нам свои силы распылять нельзя...задача! Смена постов у них одновременно происходит?

– Стрелок в броневику меняется чаще – раз в час. Часовой в лесу – раз в два часа. Надо думать, что и новый пост аналогично работать станет.

– Так! Ладно, добавлю тебе ещё одного человека! А работать будем таким образом...

Очередной нетерпеливый финн выскочил из пулеметного домика уже под утро. Похлопывая себя по бокам, он быстро пробежал по утоптанной тропинке к лесу. Свернул за деревья... да там и остался – сержант Михеев мастерски бросал нож.

В четыре руки с покойника содрали шинель и шапку, и Алексей, поёживаясь на холоде, напялил все на себя, сбросив на снег полушубок. Морщась, натянул тесноватые сапоги, оставив рядом со своей одеждой валенки. Сунул за пазуху наган и упрятал в рукаве трофейную финку. Выбежал из-за кустов и, подражая финну, похлопал себя по бокам. Ничуть не скрываясь, стараясь производить побольше шума, побежал по тропинке в сторону домика. Того, что его лицо рассмотрят, он не опасался – было ещё недостаточно светло.

Хрустя сапогами по снегу, Алексей подбежал к зданию и дважды постучал кулаком по входной двери.

Справа от него хрустнул снег. Деревянко... он тихонько растворился в темноте ещё около часа назад. Младший лейтенант знал, что он уже должен подобраться к стенам дома и присутствовать рядом на тот случай, если ему вдруг потребуется помощь.

За дверью затопали, и хриплый голос что-то спросил. По-фински спросил...

Не успел Алексей сориентироваться, как сбоку от него что-то буркнуло в ответ Григорий. По-видимому, ответ полностью удовлетворил встречавшего, ибо в сенях звякнул откидываемый запор и входная дверь, проскрипев, отворилась. Внутри дома было темно, только из приоткрытой двери, ведущей в комнату, падал неяркий свет. И, подсвеченный им, на пороге четко прорисовался силуэт солдата в наброшенной на плечи шинели. По-хозяйски отстранив его с пути, младший лейтенант шагнул внутрь. Уже перенеся ногу через порог, он пошатнулся, словно бы споткнувшись, и повалился боком на солдата. Левая рука, ища опоры, уцепилась за плечо встречавшего, разворачивая его спиной к двери. Не ожидавший этого солдат, замешкался и не сразу сообразил что делать. А вот времени на это у него уже не осталось... сверкнувший в руке вошедшего нож, наискось вошёл солдату в горло. И только булькающий звук вырвался из уст финна...

Вынырнувший из-за спины встречавшего Деревянко, осторожно подхватил безвольно обмякшее тело на руки и тихо опустил его на пол. Закрыв за собою дверь, Григорий выпрямился и, прижавшись к стене, скользнул в сторону внутренней двери. По другую её сторону уже находился и Ракутин. Привстав на колено, он заглянул внутрь.

Внутреннее пространство домика было частично разделено пополам перегородкой, посередине которой находилась печь. Слева от печи, напротив окна стоял пулемет. «Гочкис» – автоматически отметил младший лейтенант. Около пулемета, прислонившись боком к треноге, подремывал солдат. А за столом, прямо под стоящей на полочке керосиновой лампой, сидел ещё один. В руках он держал какую-то книгу, которую с увлечением просматривал.

Что происходило в другой, неосвещённой, части дома, никто из вошедших не видел.

«Так! – мелькнуло в голове у Алексея. – Один финн в лесу, второй в сенях. Двое здесь сидят. Остаются ещё двое солдат с броневика и командир поста. Во второй половине дома темно – они, наверняка, там. Странно, что никто в амбразуру не смотрит. Хотя, это тоже ещё,

как сказать. Тот, что нас встречал, вполне за пулеметом мог сидеть. Правильно – у того, что на полу дремлет, коробка с лентами рядом стоит – это второй номер. Вот встречавший, надо думать, как раз за пулеметом-то и сидел! А этого читателя от амбразуры шкаф закрывает, свет от лампы в неё почти и не виден, понятно, отчего и мы его не рассмотрели, когда из бинокля дом разглядывали. В таком разе всё логично. Двое на посту, остальные дрыхнут, благо, что ночь и офицеров рядом нет, некого опасаться. Да в лесу перед ними часовой есть, даст сигнал, если что... Впрочем – уже не даст...»

За спиною раздался шорох – Григорий скользнул в темноту. Привлечённый этим звуком, чтец поднял голову от книги и, прищурившись, взгляделся туда, где раздался звук шагов. Подхватив с пола охапку дров, лежавших на полу в сених, Ракутин, отдуваясь, шагнул в комнату. Охапку он держал перед собою, и поэтому сидевший у стола солдат, не мог рассмотреть его лица. Осторожно обогнув пулемет и постаравшись при этом не наступить ногой на дремлющего около него второго номера, младший лейтенант подошел ближе. Светящийся контур вокруг печной заслонки он успел разглядеть ещё от двери. Туда и направился. Чтец что-то проворчал и отодвинулся, чтобы не быть задетым неуклюжим товарищем. Наклонившись и повернувшись к нему спиной, Алексей положил на пол охапку, стараясь при этом не особенно шуметь. Как-то так вышло, что узловатое полено (совершенно случайно, между прочим!) одним своим концом скользнуло ему в правую руку. Надо полагать, что в результате природной неуклюжести, когда он стал разворачиваться назад, другой конец импровизированной дубинки невзначай соприкоснулся с головой любителя литературы. Увы... дерево оказалось прочнее...

Дремавший на полу пулеметчик, должно быть, видел яркие и увлекательные сны, и это помешало ему открыть глаза вовремя. Так что, последнее, что он успел в этой жизни рассмотреть – был стремительно приближающийся к лицу торец суковатой деревяшки.

Проверить финнов – порядок, теперь можно и Деревянко помочь... Тут, кстати говоря, и лампа весьма к месту станет...

Тусклый отблеск поставленной на пол «летучей мыши» выхватил из темноты два безжизненных тела и борющихся на полу людей. Кто здесь кто?! Полураздетый – командир пулеметчиков! Глухой звук подтвердил то, что списывать со счетов старое оружие древнего человека – дубину, ещё слишком рано.

– Ф-ф-ф-у-у... – Григорий откинулся спиной на стену. – Здоровый черт... и чуткий – вполглаза спал! Только второго солдата приголубил, он на меня и бросился! Хорошо хоть пистолет у него выбить успел... по башке дать хотел – ан этот изверг верткий оказался! Голову отдернул! Правда, вместо этого по шее получил, оттого и не орал – только хрипел.

– Сам-то цел?

– Жив пока... там чего? – мотнул головою в сторону пулемета боец.

– Порядок – двое уже успокоились. А неча на посту читать! Спать – тем более! Несильно злодей тебя помял?

– Жить буду.

– Давай, наших сюда потихоньку тащи. Скоро уже пулеметчика в броневику менять. И полушубок мой захватите, а то ещё спутает кто поутру из-за шинели ихней...

За Деревянко стукнула дверь, и младший лейтенант приступил к осмотру дома.

К его удивлению, во второй комнате отыскался ещё один пулемёт – на этот раз ручной. Старый потертый Льюис и три запасных диска. Нашелся и пистолет вянрикке – новенький «люгер». Ставив мертвяков в одну комнату, Алексей приоткрыл щиты на амбразурах, предвзвешенно повернув до минимума фитиль у лампы и поставив её на пол. Ещё не развиднелось и дома в хуторе почти не просматривались. Черной глыбой торчал на своей позиции броневик. Совсем рядом – от домика до него было всего метров тридцать.

Позади чуть скрипнула дверь и оба пистолета настороженно уставились в сторону входа.

– Свои! – свистящий шепот заставил расслабиться напряженные пальцы рук. – Это я, Карпин!

– Ты, Илья?

– Я, товарищ младший лейтенант! И ребята все со мной.

– Давайте с ребятами пулеметы осваивайте, а мы с Григорием к броневикам прогуляемся. Пора уже этого замерзлика сменять...

Как громко скрипит снег!

Кажется, что этот звук сейчас слышен по всему лесу. Странно, но когда шли к дому, так громко вроде бы не скрипело? Или тогда по тропинке шли? А сейчас еле натоптанная тропочка, нога то и дело проваливается так, что снег засыпается за голенища сапог. Броневики уже рядом и слышно, как внутри что-то бормочет пулеметчик. Поёт он там, что ли? А ведь и верно – напевает негромко. Совсем бедолага от мороза офигел. Впрочем, его понять можно – тут у самих зубы давно уже чечетку выстукивают – не спасают и валенки с полушубками. А финнам вообще хреново – они в сапогах бегают. Во всяком случае, те из них, которых мы здесь видели. И ладно ещё, когда от дома к дому пробежать, а вот так – внутри стального ящика сидеть... не позавидуешь!

Бум!

Эхом отозвалась пустота внутри броневика – Алексей постучал кулаком по двери.

Бормотание смолкло, внутри залязгали металлом и тяжелая дверь, взвизгнув промерзшими петлями, распахнулась. Изнутри пахло табачным дымом, холодным железом и какими-то, чисто машинными, запахами. Скрипнул снег, пулеметчик выпрыгнул наружу. Не успел он ещё распрямиться, как в руке младшего лейтенанта сверкнул нож.

Р-раз!

Солдат согнулся, что-то прохрипел – Деревянко навалился на него сверху, вдавливая лицом в снег и придерживая руки. Оббежав вокруг, Ракутин примерился, чтобы ударить пулеметчика ещё раз.

– Всё... – прошептал Григорий, поднимаясь. – Кончился... певец...

Вдвоём они оттащили труп к дому и занесли его внутрь. Ракутин быстро переоделся – больше разыгрывать из себя финского солдата уже не перед кем. Засунув ноги в ещё холодные валенки, почувствовал, как закололо в ступнях. Самообман, но ему показалось, что теплее стало сразу же. А вот в полушубке, действительно, оказалось намного уютнее, чем в чужой шинели.

– Как там у вас? – окликнул он сержанта.

– Порядок, командир! Можем стрелять.

– Добро! Тогда я – в броневики. Там пулемет посерьёзнее, мало ли что...

Карпин быстро двинулся к лесу – предупредить лейтенанта о том, что пулеметчики противника обезврежены. Теперь дело было уже за основными силами отряда – брать офицеров предстояло им.

Томительно потянулось время.

Сидеть в промерзшем чреве броневика – удовольствие сомнительное и радости не приносит. Сквозь узкие смотровые щели видимости вообще никакой, рассмотреть что-либо далее десяти метров почти невозможно. А любое движение внутри тут же отзывалось всевозможными звуками. Отражаясь от брони, они становились какими-то странными и непривычными для слуха. Как тут вообще экипаж сидит? Ведь на ходу здесь вообще уши затыкать надо! А в бою – когда пули барабанят по броне? Алексей уже не единожды залезал в танки, но, вот в броневике сидел впервые. Танк – он всё-таки более основательная машина, в нём и сидеть удобнее, да и места больше вроде бы. Хотя, когда ревёт мотор... тоже поводов для радости немного. А уж как из пушки бабахнут... тут вообще, наверное, тоска наступает. Неудивительно, что у

танкистов такие шлемы, чтобы всю голову закрывать. А то будешь после боя знаками, вроде как глухонемой, объясняться.

Между тем, понемногу стало светать – стали видны домики хутора. Никакого движения или подозрительных звуков Алексей так и не услышал и поэтому, когда отворилась дверь офицерского дома, вздрогнул. Припав к пулемёту, передернул затвор – механизм громко лязгнул.

На пороге дома появился командир отряда и успокаивающе поднял над головой шапку – условный сигнал. Всё, взяли субчиков!

Вслед за лейтенантом на улицу выскочили ещё несколько человек – бойцы отряда. Рассыпавшись по сторонам, они ошестинились стволами, взяв на прицел окрестности. Насторожившись, Ракутин повел стволом пулемёта по сторонам. Что там такое?

– В общем, так, Леха, – присев на бревно, командир отряда вытер вспотевший лоб. – Ты даже не представляешь, кого мы тут отловили!

– Что, неужто, генерала поймали?

– Нет, генералов тут, к сожалению, нет. Есть подполковник и капитан. А вот ещё двое – и вовсе не местные!

– То есть?

– Это шведы!

– В смысле – шведы? Мы же с ними не воюем?

– Мы-то нет. А они, как видишь, этим ничуть не озабочены. Короче – это два подполковника шведской армии. И их надо любой ценой доставить к нам!

– Раз надо – доставим. О чём вопрос?

– Один из них ранен при задержании – за пистолет схватился. Вот и получил пулю в ногу. Теперь идти он не может. А тащить его на руках – тот ещё цирковой номер! Да и опасаясь я, что не выдержит – уж больно натура у него хлипкая.

– Так что же делать?

– Что делать, что делать... повезём мы его!

– Через линию фронта?! На чем?

– Да на броневике и повезём! Там, насколько я помню, места хватить должно.

– Ну... – почесал в затылке младший лейтенант, – водитель, пулемётчик да заряжающий – это трое. Ещё и для командира место – у него, кстати, тоже пулемёт есть... Да, там ещё двоих можно посадить – места хватит, два свободных сиденья имеются. Тесновато, правда...

– Ничего, это им не дом отдыха в Сочи! Всяко лучше сидеть, нежели ногами по снегу топтать. Так, с этим ясно, теперь давай думать, как ехать будешь.

– Я?

– А кто ещё? Ты да я, да мы с тобой – вот и все командиры! Отряд я не брошу, да и шюцкоровских офицеров как-то ещё дотащить нужно. Каким макаром нашим-то об этом сообщить?

– А рация у финнов, – кивнул младший лейтенант на дом, – есть?

– Голова! – уважительно кивнул командир. – Есть у них рация! В дальнем домике должна быть. Антенна-то на нём есть? Стало быть, и рация имеется. Пойду сейчас, попробую связь наладить. Тогда, давай, думай головой! Бронемашину эту осмотри и в дорогу приготовь, ребят в помощь себе возьми. Шадрина пришлю – он такую штуку водить может. Так что, водитель, считай, у тебя уже есть.

Сборы не заняли много времени. Справедливо рассудив, что «Гочкис» в броневике будет лишним – и так тесно, Алексей прихватил с собою «Льюис». Уж его-то там найдётся куда запихнуть! Да и кроме того – взятый в бою пулемёт... это кое-что! «Отмечу в рапорте Деревянко – медаль за такое полагается! Карпина укажу при описании захвата бронемашины, это

тоже просто так не оставят...» – размышлял про себя младший лейтенант. Тяжелый станкач отнесли к офицерскому дому. Решит командир его с собой тащить – ради бога!

В результате пришлось волоочь его назад – лейтенант приказал разобрать пулемёт и запихать его под броню.

У бронемашин уже суеился Шадрин – заливал в радиатор воду. Промерзший мотор завелся не сразу, но, схватившись, заревел на всю округу. После этого народ как-то резко засуеился. Привели обоих шведов и, не слишком-то миндальничая, затолкали их на свободные места. Предусмотрительный Карпин привязал обоих офицеров к сиденьям. Обмотав тонкой веревкой почти до колен, притянул их ноги к подпоркам, заранее обрекая на неудачу все попытки освободиться.

В разгар всей этой суеы подошёл лейтенант Кожевников. Покачал головой и отозвал Ракутина в сторону.

– Смотри, – разложил он на капоте карту. – Вот твой маршрут.

Скользнув по бумаге, карандаш прочертил по ней ломаную линию.

– До сих пор, – ткнул лейтенант карандашом в отметку, – вы никого не встретите. Гарнизонов тут нет, разве что одинокий обозник какой выползет? Но ему до вас дела нет.

– Да и нам на него начхать!

– Верно говоришь. Вот здесь – появилась на карте жирная точка, – были их пушки. Авиация вчера засекла. Сегодня утром их будут бомбить, так что к моменту вашего прибытия там всем уже будет точно не до одинокого броневика!

– Понял.

– А вот тут... сведений о том, что происходит в деревушке, у нас нет. Но, логически рассуждая, не могли финны бросить такое место! Тут и крыша над головой и тепло... Словом – будь настороже!

Ракутин, всматриваясь в карту Кожевникова, делал пометки на своей.

– Здесь, – остановился карандаш на отметке, – самое хреновое место! Тут мост и финны его держат крепко! Наши вышли сюда уже три дня назад и взять его не сумели до сих пор. Есть у белофиннов пулеметный дот – он простреливает весь мост. А танки и артиллерия подойти к нему пока не могут. Там, впереди ещё один мост – через овраг. И его противник успел взорвать. Вот танки там и стоят! Этот разрушить не смогли – наши разведчики умудрились обезвредить заряды. Но и через мост мы пока перейти не можем.

– Хм...

– Вы же не пешком? Броневики пулей не пробьют. Мост переедешь – сваливайтесь в овраг, там финны своим огнем не достанут. А минометов у них нет.

– Точно нет? А то нас там, как таракана на обеденном столе, прихлопнут – не пискнем!

– Эти два дня они огня не вели.

Изменить, в данном случае, всё равно ничего не удавалось, и Ракутин собрался в путь. Прогревшийся мотор заработал неожиданно тихо и ровно. И, хрустя тяжелыми колесами по снегу, броневик двинулся в путь-дорогу. Усевшись на командирском месте, Алексей поминутно заглядывал то в свою смотровую щель, то в окно водителя. Стальная заслонка на нём была сейчас приподнята и закреплена по-походному, так что видимость оставалась вполне удовлетворительной. За ночь нового снегу не насыпало, и машина относительно быстро продвигалась по своим вчерашним колеям.

«Так ещё жить можно!» – мелькнула шальная мысль, – «А если ещё и через фронт с шиком проедем... Только бы наши сдуру не подбили – с них, пожалуй, что и станется...»

Мрачные мысли настроили на серьёзный лад, и он дал команду проверить все бортовое вооружение.

Спустившись в овраг, через который вела дорога, дали по паре выстрелов из всех трех пулеметов. Нормально – экипаж за вооружением следил, нигде ничего не заедало и не осека-

лось. Под сидением заряжающего обнаружили брезентовую сумку с гранатами – штук десять. Тоже, кстати говоря, весьма своевременный подарочек!

Ещё километров десять и из-за поворота выглянули высокие, отдельно стоящие, ели – ориентир, о котором говорил командир. Где-то здесь должны стоять пушки... ага, и ещё тут должны были перепахать всё бомбами наши самолеты. А вот их-то и не было! И что делать?

Тяжелых пушек у финнов мало, и берегут они их как... даже трудно себе представить! Стало быть, пост на дороге имеется! Просто обязан он тут где-то стоять! И тормозить здесь станут каждого – хоть самого Маннергейма. Вывод? Ехать нельзя.

– Миша, – толкнул Алексей в плечо Шадрина, – притормози-ка...

Качнувшись на рессорах, броневик остановился.

– Что случилось, товарищ командир? – обернулся к нему водитель.

– Самолеты должны были сюда прилететь... тут все бомбами, ещё до нашего приезда, собирались перепахать. Только вот, не слышал я бомбежки.

– И я не слышал. Что делать будем?

– Подождём пока... А я схожу и посмотрю издали.

Самые худшие догадки подтвердились. На перекрестке стоял целёхонький шлагбаум, а в двадцати метрах от него из-за бруствера торчал ствол зенитки. Не бог весть что – 40-мм «Бофорс», но броневик и это – выше крыши! Разглядев всё печальные подробности в бинокль, Ракутин осторожно попятился и, озираясь, вернулся назад. Переть напролом глупо – зенитка тут явно не одна. Оставалось надеяться на летчиков.

Особо долго ждать не пришлось – уже через полчаса зоркие глаза Шадрина засекли в небе черные точки. Тронувшись с места, броневик заехал под низко наклонившиеся под тяжестью снега, ветви деревьев. По крайней мере, его теперь не так уж хорошо видно с воздуха.

Впрочем, у самолётов здесь имелаась своя цель. Описав в воздухе полукруг, ведущий, клюнув носом, свалился в пике. Даже отсюда был слышен треск его пулемётов.

Не остались в долгу и финны – откуда-то из леса ударили зенитки, и в воздухе повисли грязно-серые комки разрывов.

Рванули на земле первые бомбы.

Потянулись дымные трассы и от второго «СБ». А на штурмовку заходил уже третий...

Интересное и необычное зрелище! Впервые удалось увидеть, как наши бомбардировщики пикируют на цель. До этого все бомбы сбрасывались прямо с горизонтального полета, а вот такой способ штурмовки, никому из разведчиков встречать ещё не доводилось.

Зенитчики не унимались – к выстрелам пушек прибавились ещё и пулемёты. Воздух расפורили трассирующие пули, направленные в сторону самолетов.

Подхватив на колени сумку с гранатами, младший лейтенант сотворил при помощи бинта две связки по три гранаты. Положил их на специальную полочку около своего кресла.

– Илья!

– Слушаю, товарищ командир!

– Как увидишь финнов – пали в воздух из башенного ствола! Там калибр серьёзный – тринадцать миллиметров, издали слышать будет. Пусть видят, что мы по самолетам огонь ведём. Только в натуре не попади! Шадрин!

– Я!

– Если шлагбаум ещё цел – притормози около него. Я туда связку зафигачу, нехай думают, что его бомбой разнесло!

Броневик осторожно высунул нос из-за поворота. Выглянув в амбразуру, Алексей увидел торчащий вверх ствол зенитки – её расчёту уже явно было не до наблюдения за дорогой. Провожая пролетающие самолёты, они увлечённо высаживали в их сторону один снаряд за другим.

Надо полагать, подобная наглость долго оставаться безнаказанной не могла, и выходящий из пике самолет обстрелял позицию зенитчиков. А заодно и всю прилегающую местность – в том числе и броневик! По борту прозвенели пули, высекло искры из башни, но, слава богу, этим все и обошлось! Так что, ответная очередь башенного пулемета со стороны выглядела совершенно оправданной.

– Газу!

И тяжелая машина рванулась вперед по дороге, сметая по пути раскрашенную деревяшку шлагбаума. «Как жезл у ОРУД!» – мелькнула в голове мимолётная мысль.

Внешне это выглядело так, будто броневик пытается выйти из-под обстрела. До шлагбаума ли тут? Башку бы сносить!

– Тормози!

Шадрин ударил по тормозам, и все дружно клюнули носом. Бронемашину занесло. Зато и пули следующего самолета взвихрили снег дальше – стрелок не учёл возможности такого маневра и промахнулся. Распахнув дверь, Ракутин выскочил наружу.

Опа!

Гранатная связка улетела за бруствер к зенитчикам.

Уже запрыгивая назад, он увидел вымахнувший оттуда столб снега – похоже, что от взрыва гранат сдетонировало ещё что-то.

– Миша давай! Ходу отсюда!

В лесу жахнуло, и над дорогой пролетела какая-то хреновина, отброшенная в сторону основательным взрывом. Надо думать, бомбардировщики, наконец, нащупали свою цель...

Отчаянно палящий из пулемета броневик, виляя по дороге, уходил дальше в лес.

Отъехав от разбомбленных батарей пару километров, Шадрин притормозил и заглушил мотор.

– Извини, командир... руки дрожат. Как «СБ» на нас зашёл – думал всё, кирдык...

– Не ты один! – откликнулся сверху Илья. – У меня так аж в голове загудело, когда нам по башне звезданули!

Народ слегка оживился, даже притихшие в уголке шведы зашевелились и жестами попросили пить. Коротко переговоривший с ними Деревянко, повернулся к командиру.

– Товарищ младший лейтенант, они до ветру хотят. Медвежья болезнь их мало, что не прохватила, боюсь – не выдержат больше.

– Только по-одному! И осторожнее там, вдвоём их выводите.

Возня с пленными офицерами заняла минут двадцать. Пользуясь этим, водитель осмотрел машину и никаких особенных повреждений не нашел. Повезло – пули попали по броне вскользь, вдоль бортов, оставив на ней только длинные росчерки. Кто знает, попади они четко сверху... ведь верхняя броня, кажется, тоньше? Разбита только одна фара – так всё равно, ночью ехать не придется. Прикинув по карте местоположение, Алексей понял – до деревни осталось километров пятнадцать. За полчаса доехать вполне возможно.

Запихав шведов на отведенное для них сиденье, экипаж занял свои места, и водитель снова завел мотор. Переваливаясь на ухабах, машина выбралась на середину дороги и двинулась в сторону деревни.

Минут через двадцать, впереди обозначилось какое-то движение.

– Илья – пулемет перезаряди! Мало ли кто там такой...

Как и следовало ожидать, на дороге появились финны. Много – человек пятьдесят, на десятке подвод. С передней соскочил офицер и требовательно поднял руку.

– Стреляем?

– Обожди... – младший лейтенант взгляделся, – У них на телегах лопаты какие-то, проволока, пила... Так это ремонтники – на батарею едут! Гриша! Накинь кожанку, побазарь с офицером! Он видит, что мы оттуда едем, вот и интересуется.

И действительно – в машине отыскалась кожаная куртка со знаками различия старшего сержанта, надо полагать, как раз бывшему командиру и принадлежала. А вместо головного убора вполне годился шлем. Их в броневике хватало, даже пленным шведам досталось. Обернувшись назад, Ракутин выразительно покачал пистолетным стволом, давая им понять, что излишняя разговорчивость в данный момент может быть смертельно опасной. В первую очередь – для самих разговорчивых.

Чуть скрипнув тормозами, броневик остановился и в открытую дверь выбрался Григорий. Хотя и наскоро переодетый, он выглядел вполне по-фински. Поскольку остановивший машину офицер явно был старше по званию, Деревянко представился первым.

– Старший сержант Суттинен!

– Лейтенант Вяльбе! – ответно козырнул командир ремонтников. – Вы едете со стороны батареи?

– Да. Оттуда.

– Что там?

– Плохо, господин лейтенант! Бомбардировщики красных перевернули весь лес.

– Я смотрю – вам тоже досталось?

– Броня выдержала. Башенный стрелок вел по ним огонь, но... – развел руками Григорий, – Мы же не зенитчики...

– Да... им тоже досталось. Три пушки вдребезги!

– О! А батарея? Уцелела?

– Трудно сказать... Оттуда нам звонили, стало быть, живые есть. А вот что с пушками? Одну, вроде бы, не заметили, именно оттуда сержант и позвонил. Но о других он ничего не сказал. Вам помощь нужна?

– Нет, нам только фару разбили, а так всё в порядке. Как дорога дальше – её не бомбили? Мы проедем?

– До деревни всё цело. Дальше не знаю, но утром туда ушли артиллеристы... Если бы было что-то не в порядке, они сообщили бы.

– Благодарю вас, господин лейтенант! Разрешите следовать далее?

– Разумеется! Будем надеяться, что красные больше не прилетят!

Лязгнула закрываемая дверь.

Лейтенант повернулся к обозникам и повелительно взмахнул рукою. Телеги сдвинулись на обочину, пропуская бронемашину. Благодарно прохрипев сигналом, она медленно объехала растянувшийся обоз и скрылась за поворотом. Повернувшись к Ракутину, Григорий коротко пересказал ему содержание своего разговора с офицером.

– Эх! – вздохнул Шадрин, вертя баранку. – Врезать бы по ним сейчас из пулемётов! На кусочки покрошили бы всех!

– Не всех... – младший лейтенант поудобнее устроился на своём месте. – Кто-нибудь успел бы убежать. Добрался бы до пушек, а там телефон есть. Что дальше было бы, подсказать? Не забывай – нам ещё путь неблизкий предстоит!

– Да понимаю я всё, товарищ командир... Только обидно их вот так, просто, отпускать!

– Не переживай. Ещё настреляемся...

До деревни никаких встреч больше не случилось, дорога была пустой. Да и в самой деревне посмотреть на проезжающий броневик вышло всего несколько человек. Рубившие

дрова финские солдаты, лишь проводили его любопытными взглядами, на несколько минут оторвавшись от своей работы. Расспрашивать дорогу не пришлось, она тут одна-единственная и прорезала всю деревню насквозь. Толкнув локтем водителя, Алексей указал ему на несколько пушек, стоявших под деревьями.

– Вот они нас тут бы и встретили! Как раз, пока мы сюда добирались, кто-нибудь из обозников до разбомбленной батареи и добежал! А телефон там есть, ихний офицер про то говорил.

– Понимаю, – снова вздохнул Шадрин. – Только вот ехать так мимо них и не сделать ничего... А пушки эти завтра по нам стрелять станут!

– У нас своя задача есть. А про это, – кивнул в сторону орудий младший лейтенант, – доложим. Вот авиация им и врежет!

Выехав после деревни на относительно открытое место, броневик прибавил ходу, насколько это возможно. Свежие следы попаданий на броне являлись хорошим напоминанием о том, чем может быть опасна такая открытая отовсюду дорога. Ведь самолеты могли и вернуться...

Но обошлось. Никто не проревел моторами над головой, чистое небо так и осталось пустым. А когда бронемашина снова въехала в лес, все невольно выдохнули.

Ещё несколько километров...

– Командир! – окликнул сидевший в башне Илья. – На дороге кто-то есть!

Сверху ему было немного дальше видно.

Броневик въехал на пригорок и Алексей всё увидел сам.

Прижавшись к обочине, впереди неторопливо продвигался обоз. Те самые артиллеристы, о которых говорил офицер. Неторопливо переступающие ногами кони, тащили две небольшие пушки. Следом двигались подводы с какими-то ящиками и сидящими на них, солдатами.

«Это они к мосту идут!» – всплыла в голове мысль. – «Минометов там у противника нет, зато пушки – вот они! Встанут на позицию – и все! Тогда мост так просто не взять...»

– Экипаж... слушай мою команду! К бою! Цель – расчеты пушек! По моей команде открываем огонь. Деревянко!

– Я, товарищ младший лейтенант!

– Гранаты возьми. Как крикну – выскакиваешь на дорогу и суешь гранаты прямо в казённые пушек. После этого, их только на металллом и отправлять.

– А у меня ещё и взрывчатка есть! Только немного её... всего пара шашек.

– Вообще здорово! По одной шашке в каждую пушку, да гранаты... хватит им! Шадрин, по команде останавливаешься – стрелять с хода хуже, тут дорога неровная, колдобина на колдобине. Мазать станем.

– Есть, товарищ младший лейтенант!

Скрипнула броневая заслонка, опущенная водителем.

Ещё метров сто... нет, даже сто пятьдесят – в упор стрелять станем, с полусотни – там уж точно никто не уйдёт...

– Водитель! Давай, вон у того пенька... притормаживаем...

Обернувшись на звук мотора солдаты с любопытством наблюдали за тяжелой машиной, осторожно объезжавшей многочисленные ямы и рытвины. Надо полагать, не очень опытный водитель опасался на высокой скорости повредить свою технику. Объехав очередную яму, он и вовсе остановился, словно ожидая, пока обоз освободит дорогу. Командир батареи привстал в своей повозке и раскрыл рот, собираясь отдать команду...

Но не успел!

На башне броневика запульсировал красный цветок, и тяжелые тринадцатимиллиметровые пули смахнули офицера и, сидевших рядом с ним солдат, с телеги.

Ударил и курсовой пулемёт бронемашины.

Словно свинцовый шквал пронёсся над дорогой. Сбившиеся в кучу повозки, представляли собой превосходную мишень, а дистанция стрельбы была беспощадно короткой. В считанные мгновения на дороге воцарился ад.

Расстреливаемые в упор, лошади и люди перемешались в невообразимой кутерьме. А броневик не останавливался. Теперь он медленно, не прекращая огня, двинулся вперёд. Из раскрывшейся двери ударил ещё один пулемёт, короткими очередями добивая копошащихся в снегу артиллеристов.

Уйти никому не удалось...

– Гриша, давай!

Отбросив в сторону «Льюис», Деревянко вымахнул из кабины и подскочил к первой пушке. Наклонившись на бок, она стояла всего в десяти метрах от броневика. Лязгнул, открываясь, замок. Торопливо запихнув внутрь толовую шашку, боец всунул туда ещё и ручную гранату. Хлопнул капсюль-воспламенитель. Длинными прыжками, Григорий добежал до броневика и присел за его корпусом.

Хренак!

Подброшенная взрывом, пушка подскочила на месте и опрокинулась.

– Елё успел...

– А бикфордова шнура у тебя нет? – окликнули бойца из машины.

– Есть...

– Так, какого ж?!

– Блин, командир, забыл...

– Да и я-то тоже хорош! Давай, у следующей пушки поаккуратнее!

Второй взрыв грохнул через пару минут, изуродовав последнее орудие и приведя его в полную негодность.

Напоследок Григорий сорвал с тела командира батареи полевую сумку и запрыгнул в бронемашину.

– А теперь – ходу отсюда! – распорядился младший лейтенант. – Пулеметы перезарядить! Гриша, диски набей, какие мы расстреляли, хрен его знает, что там впереди...

Покачиваясь на ухабах, машина въехала на холм, и место недавнего боя скрылось из глаз. И только тогда в кустах обозначилось шевеление. Один из лежащих ничком солдат, осторожно приподнял голову. Быстро оглядевшись по сторонам, поднялся с земли. Подхватил с земли винтовку и, сняв с телеги лыжи, приладил их к ногам. Оттолкнувшись палками, солдат съехал с дороги на поле и изо всех сил помчался в сторону деревни.

Ничего этого не знал никто из экипажа броневика. Как не знали они и того, что сорванный с места внезапным телефонным звонком, двинулся по узкой дороге танковый взвод. После безуспешной попытки дозвониться до командира отряда, охранявшего мост, старший на этом участке офицер, правильно сложив имеющиеся фрагменты мозаики (бомбежку батареи и расстрел артиллеристов на лесной дороге) пришел к невеселому выводу.

– Райнеманн, – прохрипела телефонная трубка, – вы меня слышите?

– Так точно, херра эвэрстлуутнанти!

– На разбомбленной батарее видели бронемашину, и лейтенант Вяльбе впоследствии говорил с её командиром. Прибежавший к вам солдат утверждает, что их расстрелял свой же броневик. Телефонная связь с отрядом, охраняющим мост, отсутствует, и я не исключаю того, что это дело рук красных.

– Но откуда они здесь, херра эвэрстлуутнанти?

– Это их диверсанты, которые уже давно научились незаметно пересекать линию фронта по ночам. Наверняка, налет бомбардировщиков на батареи был скорректирован с земли. А затем эти мерзавцы расстреляли ваших артиллеристов и подорвали их пушки!

– Понятно...

– Сейчас броневик движется к мосту, где никто об этом не знает! Артиллерии там нет, и если диверсанты нанесут удар в спину...

– Я немедленно двину к мосту свои орудия! Здесь ещё есть три пушки!

– У вас есть противотанковые ружья, Райнеманн?

– Три штуки.

– Оставьте пушки здесь – они всё равно не успеют к мосту. Займите позицию в лесу, на тот случай, если противник прорвет нашу оборону. К мосту, напрямик через лес, отправьте солдат с противотанковыми ружьями. Они могут успеть туда гораздо быстрее, чем по дороге. Ружья – не пушки, их и на руках донести можно. С соседнего участка к вам движется танковый взвод – две машины. Этих сил вполне достаточно, чтобы остановить один броневик!

Из всего вышесказанного, правдой являлся только расстрел колонны на лесной дороге и отсутствие связи – по команде Ракутина, заметившего сбоку от дороги телефонную линию, из неё вырезали кусок около пятнадцати метров длиной. Но, несмотря на это, танки и пехота уже выдвинулись к мосту...

Прижав к глазам окуляры бинокля, Алексей всматривался вперёд. Вот он – мост. В полукилометре перед ним виднеется второй. Точнее, его остатки. Взорванный мост гораздо больше своего собрата. С холма не видно никакого движения – полное впечатление, что там вовсе никого нет.

Перед выходом с моста виднелись ряды колючей проволоки – финны явно не собирались ездить и ходить по мосту сами и не намерены разрешать это другим. Правее него под снегом прорисовывались ломаные линии окопов и бугорки землянок.

Где же дот?

Слева от заграждений окопов нет, только небольшой ход сообщения. Надо полагать, он к доту и ведёт... Бинокль в руках младшего лейтенанта зашарил по кустам.

Ну да... вот он. Невысокий бугорок – а перед ним, если смотреть со стороны наших окопов, кустов нет. Совсем никаких. Ровное место – ни бугорка, ни ямки. Все подходы к мосту и окопам оттуда простреливаются.

И что теперь делать?

С разгона на мост не въехать – у нас не танк, столько проволоки не снесём. Объезжать – попросту негде. Вниз, в обрыв? Проще уж головою об стену. Так, по крайней мере, быстрее будет и не так болезненно.

Взять дот?

А как?

Там, однозначно, есть дверь и скорее всего она закрыта. Здешних солдат они знают, так что попытка сойти за своего почти наверняка обречена на провал.

Так, что же – ночи ждать?

Ага... И шведы, как паиньки, тихонечко поползут... щас... держи карман шире...

– Гриша!

– Я, командир!

– Гранат у нас сколько?

– Трофейных?

– Вообще всех.

– Ну... РГД – четыре штуки и лимоник десятка полтора.

– Кабель телефонный далеко?

– Здесь он, тучочки. А чо?

– Смотри сюда, – Алексей чутко пододвинулся в сторону и жестом подозвал к себе бойца. – Бинокль держи. Проволоку видишь?

– Угу...

– Заграждение в четыре кола. Первые два ряда мы снесём, а вот дальше – фиг! Застрянет броневик.

– Так что же делать будем, товарищ младший лейтенант?

– Бери кабель, отрезай кусок, – Алексей приложил к глазам бинокль, – метров шесть. В лесу вырубить жерди – метра на два длиннее. Даже если такие и не найдёшь, руби менее длинные, мы их вместе свяжем. Тем же самым проводом. Через каждые полтора метра привязываешь гранату. Лимонки для этого бери. В кольца продеваешь кабель и крепишь. Понял?

– Понял. А... зачем это?

– Жерди привязываем к броневика, так, чтобы они вверх торчали. Подъезжаем к проволоке, дергаем веревку, и они опускаются вперёд. Лягут, аккуратно, на проволоку. Тут мы кольца-то и выдернем!

– Ага! Взрывом, стало быть, проволоку в стороны разбросает!

– Даже если и не всю, один хрен, дальше ехать будет легче. А мост перемахнём – тут и snyкаемся где-нибудь от финских пулемётов.

Сказано – сделано. Уже через час с небольшим, по бокам броневика возвышались две странно выглядявшие конструкции. Издали жерди чем-то смахивали на антенны или что-то близкое по смыслу.

– М-м-да... – почесал в затылке Алексей. – Интересно, что подумают финны, узрев подобное сооружение?

Не дожидаясь ответа, сплюнул на снег и полез внутрь броневика. Лязгнула дверь. Коротко рыкнув мотором, машина выплюнула клуб сизого дыма и неторопливо покатила по дороге к видневшимся вдали окопам...

– Херра луутнант! – выскочивший на опушку лыжник, резко развернулся на месте. – Смотрите – броневик!

– Тепло, хватайте ружья – и вон туда! – худощавый офицер показал на пригорок, расположенный на полпути между лыжниками и позициями охраны моста. – С того места до броневика будет метров триста, можно попытаться его подбить! Маатинен, а ты дуй к окопам, пусть поддержат нас огнём!

– Слушаюсь!

И шестеро лыжников, пригнувшись, сорвались с крутого склона вниз – только снежная пыль взвилась в воздухе.

На этот раз броневик немилосердно трясло – водитель дороги не выбирал и пёр напрямки, не объезжая выбоины и бугорки на дороге. Поэтому, все пассажиры бронемшины не открывали ртов, резонно опасаясь за целостность языка. Оставляя за собою облако взвешенного снега, машина скатилась с холма и направилась напрямик к площадке перед мостом.

– Командир! – толкнул младшего лейтенанта в плечо башенный пулеметчик. – Смотри – это, наверное, по нашу душу!

От полузанесённых снегом окопов бежал, пригибаясь, человек в полушубке.

– Илья, не стреляй! Они пока подвоха не ждут, авось и задурим финну голову!

Вырвавшись к началу площадки, броневик притормозил.

– Гриша, поговори с офицером! Наплети ему там что-нибудь. Главное, чтобы они пальбу раньше времени не открыли, а то шарахнут гранатой – и амба!

Высунув голову в приоткрытую дверь, Деревянко замахал рукой, привлекая внимание подбегавшего финна.

– Занимайте оборону!

– Что?!

– Красные прорвались! На дороге расстреляли наших артиллеристов! Мы открыли по ним огонь – видите, на броне следы от пуль?

– Где они?! – офицер, казалось, совершенно этому не удивился.

– А вы уже об этом знаете? – в свою очередь опешил Григорий.

– У нас пропала связь. Это ведь не просто так?

Блямс!

Ударившая в приоткрытую дверь пуля, высекла сноп искр и чуть не вырвала её из рук бойца. Вторая пуля звякнула по башне и рикошетом ушла в серое небо.

– Это противотанковые ружья! – толкнул Алексей водителя. – Уходим!

Взревев двигателем, бронемашина рванулась вперёд, и Ракутин краем глаза увидел убегающего финна. Тот во весь дух неся к окопам и что-то кричал на бегу. Перекрывая шум двигателя, замолотил крупнокалиберный пулемёт – Илья, развернув башню, короткими очередями пытался достать стрелков. Их местоположение стало заметно, благодаря тому, что выстрелы противотанковых ружей поднимали небольшие, но, тем не менее, хорошо заметные снежные вихри. Но попасть из движущейся машины по лежащим стрелкам весьма непросто. Впрочем, и они не отличались завидной меткостью. Большинство выпущенных ими пуль, тоже улетело неведомо куда.

Пролетев вперед ещё метров полтора, броневик притормозил, чуть не уткнувшись носом в колючую проволоку.

Оскалив зубы, водитель дернул за веревку – левая жердь дрогнула и обрушилась на ряды заграждений. Спohватившись, младший лейтенант проделал ту же операцию.

– Рвём? – повернулся к нему Шадрин.

– На счет три! Раз! Два! Три – давай! – и они вдвоём дернули за удерживаемые в руках куски телефонного кабеля.

– Задний ход!

Блямс!

Выматерился Дервянко.

Заскрежетала включенная задняя передача, и бронемашина неожиданно резво откатилась назад.

Бух!

Ба-бах!

Бу-бух!

Машину затрясло, по броне забарабанили осколки. Пригнувший голову Шадрин, осторожно выглянул в смотровую щель.

– Ну как там?

– Жить можно! Две нитки в клочья, третья висит... Прорвёмся командир!

– Жми!

С хрустом прорвав уцелевший ряд проволочных заграждений, броневик, как кабан из тростников, вырвался на площадку перед мостом.

Блямс!

И победный рев мотора вдруг сменился пронзительным визгом.

Зашелся длинной очередью крупнокалиберный.

– Командир, движку конец! Попали в нас! – водитель переключил передачу. – Метров с полсотни ещё прокатимся – и всё!

– Мост пройдем?

– Попробую...

Позвякивающая железом бронемашина, постепенно замедляя свой ход, перекатилась через мост и, свернув в сторону, съехала в ложбину. Под капотом что-то заскрежетало и смолкло. Броневик остановился.

– Все! – ударил кулаком по баранке Шадрин. – Приехали! Станция Березай, хошь не хошь – а вылезай!

Прилетевшая откуда-то сзади-сбоку пуля из противотанкового ружья seriously повредила двигатель. Осмотрев его, водитель только головою покачал – отъездился броневик!

Со стороны окопов громыхнул нестройный залп, и пули залязгали по броне. Откликнулся башенный пулемёт и стрельба резко поутихла.

Зато ожил дот – щедро осыпал свинцом левый борт броневика.

– Не страшно, этим мы не по зубам! – Ракутин ударом ноги распахнул дверь и выскочил наружу. – Шадрин! Курсовой ствол снимай! Гриша – «Гочкис» выволакивай! Собирай его здесь. Шведов там как – не достанут?

– Нет, – пробасил Деревянко. – Между нами и финнами два метра земли – никаким ружьём не пробить! Вот Игорю в башне побережётся надо бы – его-то видят!

– Пусть ещё на выстрел подойдут! – откликнулся пулемётчик в перерывах между очередями. – Метров на четыреста я их достану из крупнокалиберного, как нечего делать, а вот башню с такой дистанции прострелить – это фигушки! Тут ещё попасть, как следует, надобно!

Минут через пять импровизированную огневую точку подготовили к бою. Трофейный станкач оттащили на фланг. От дота его надёжно прикрывал борт бронемшины. А солдаты в окопах его ещё не видели, потому и не стреляли. Водитель вытащил из машины курсовой «Лахти 33/36». А младший лейтенант вооружился «Льюисом».

– Миша, – повернулся он к водителю. – Тут такое дело... давай-ка дуй к нашим – они где-то там сидеть должны. Мы лахтарей стрельбой отвлечём, ты и проскочишь как надо.

– Товарищ младший лейтенант, а вы как?! Нешто я вас всех тут брошу?

– Это приказ, боец Шадрин! – успокоившись, Алексей продолжил уже мягче. – Мы тут сколько просидим? Час, два? А этих офицеров кто к нашим приволочёт?

– Так может... мы все? Тихонько, под бережком...

– А если дот реку простреливает? Там все и ляжем...

Коротко протрещал пулемет в башне броневика. Обычный, не крупнокалиберный.

– Что там? – повернулся Ракутин к броневiku.

– Финны закопошились, вот я их и шуганул. К крупнокалиберному-то патронов немного, а к этому полно!

Вздыхнув, Шадрин вскинул на плечо винтовку и, пригнувшись, выскользнул из ложбинки. Его уход остался незамечен противником: выстрелов со стороны окопов не последовало. На всякий случай, башенный «Лахти 33/36» дал несколько очередей по окопам и доту. Ответные пули взвихрили снег на гребне ложбинки и отзвенели по броне. Выждав пару минут, младший лейтенант приподнялся над гребнем и приложил к глазам бинокль.

Так, первым делом те, что с противотанковыми ружьями – где они?

Ага, вот лежит один стрелок, ружьё рядом валяется – молодец Илья! Второй... нет второго. И это плохо... А это кто?

От леса к окопам продвигались люди – к финнам шло подкрепление.

– Илья! От леса ещё солдаты идут! Врежь-ка им! Нам патроны с собою не тащить!

На этот раз огонь броневика вызвал сильное неудовольствие противника. От башни только искры полетели! Но и финнам на открытом месте было весьма несладко! До окопов они не дошли. Оставив на поле с десятков неподвижных тел, откатились назад. Ну да, днём тут разгуливать – себе дороже. Место открытое, пулемет сверху достаёт далеко. Повернув бинокль в сторону дота, Ракутин аж присвистнул! Пока Илья расправлялся с подкреплением, от дота выдвинулась группа солдат – человек пять. И они уже были совсем близко – метрах в восьми-десяти.

Расстреляв по ним диск из «Льюиса», младший лейтенант уложил троих, прочие бросились назад. Илья свалил ещё одного.

На какой-то момент стрельба затихла. Свесив наружу ноги, на пороге бронемашины сидел Григорий, переснаряжавший пулемётные диски. Вот он разорвал очередную патронную пачку, ссыпал патроны в шапку и прихватил рукою несколько штук.

– Что у нас с патронами?

– Для крупнокалиберного осталось почти три ленты – около двухсот штук. К прочим, – Деревянко заглянул в кабину бронемашины, – ещё около тысячи. Семь гранат. Ну и так... по мелочи... Воевать, в принципе, можно.

– Долго ли? Сколько там, у лахтарей ещё ружей противотанковых есть? Одно вижу, так не факт, что оно единственное было! Лупили-то по нам из двух стволов! И где сейчас второй?

В воздухе пронёсся странный звук – словно где-то заработал мотор, таща что-то неподъёмное. Все на секунду прервали разговор, прислушиваясь. Но звук смолк.

– Перекус у нас какой-нибудь есть? – снова нарушил молчание Ракутин. – Неохота на голодный желудок воевать.

– У нас – нет, – покачал головою Григорий. – А вот в броневице...

Его рука нырнула куда-то внутрь пропахшей порохом кабины.

– Вот!

– Ишь ты! – удивился младший лейтенант. – Шоколад?!

– Ага! Заморский какой-то... не видал я таких вот штучек.

– Английский, – рассмотрев упаковку, сказал Алексей. – По-ихнему написано. Давай, как раз – нам всем по плитке! И Шадрину одна останется.

– Там ещё фляга с водкой есть...

– Откуда знаешь? Пробовал?

– Так... по запаху...

– Из закрытой-то фляги? Ну да ладно... по глотку... по паре глотков!

После перекуса настроение резко повысилось. Эдак и до вечера тут просидеть можно... а что? Место удобное, пехотным оружием их не взять. А вечером можно будет уйти...

Всё-таки странно устроен человек!

Только что над головою свистели пули, и ты, припав щекою к прикладу, огрызался скуными точными очередями. Казалось бы – какое желание сейчас станет самым важным? Побольше патронов, да поглубже окоп. Ан нет! Сидим и обсуждаем достоинства разных марок шоколада, вот! Плитки оказались разными и теперь, позабыв обо всём, маленький гарнизон увлечённо обменивается мнениями о достоинствах и недостатках и недостатки каждой марки шоколада.

– А вот твоя плитка, Илья, горькая! Должно быть – неправильный тебе шоколад достался! Испорченный какой-то...

– Нет, Гриша, – вступает за башнера младший лейтенант. – Это сорт такой – горький шоколад! Его специально так делают! И, чтоб ты знал – стоит он, как бы, и не подороже!

– Да ладно... Что ж там, товарищ командир, с ума все зараз съехали? Шоколад – он сладкий!

– Всякий бывает. Я, к примеру, даже солёный ел!

– Как же так? – удивляется Деревянко. – Солёный... Зачем такой нужен?

– Такой шоколад летчики с собой берут. На тот случай, если собьют или на вынужденную сядешь где-нибудь в глухих местах. Говорят, от соленого шоколада меньше пить хочется.

– И как? Действительно пить неохота?

– Да... как тебе сказать? Не распробовал я. Нам и досталось его всего по чуть-чуть.

– Это где же так?

– Да в Испании. Летчики знакомые принесли, когда мы там одну дату отмечали. Мы вина притащили, а они шоколад и фрукты всякие. Вот я ихний паёк в первый раз и увидел. И, что интересно – плитка там толстая, – раздвинул пальцы младший лейтенант, показывая

толщину. – Его и не откусить просто так, твердый! Пришлось штыком колоть на кусочки, да и их не вдруг разгрызёшь! В рот засунул и как леденец его там гоняешь. Летчики говорили, это специально сделано, чтобы сразу много не съесть – а то обожрешься.

– Да рази ж им объесться можно?

– Этим – можно.

– А вино там какое? В смысле, в Испании.

– Всякое есть. И сладкое и кислое. Есть, почти как вода, и густое, на кефир похожее. Струйка, даже на вид, тяжело так льётся... Понятно, что на самом деле, это только кажется. Но когда его пьёшь... – Алексей мечтательно почмокал губами. – Сюда бы его... Хотя, по морозу – водка лучше. А испанцы вино часто пьют, почти и не пьянеют. Мы тоже, наравне со всеми, его там пользовали.

– А какие они, испанцы эти? Я вот в книжке читал, мол, горячие все и зазнаистые, – откликнулся со своего места Илья.

– Да тоже разные они встречаются. Что горячие – так про то верно написано. Как у них коррида, это они так бой быков называют, случается, что и вчерашние противники смотреть приходили. И про войну забывали – прям, как дети малые! Орут, кричат на трибунах. Зрелище... – покачал головою Ракутин. – Так и в бою. Были случаи, что динамитом обвешивались и под танк бросались.

– Надо же...

– Да... и там бойцы неслабые попадают. Хотя, надо отдать должное, не только испанцы. Там, кстати говоря, и наши воевали. В смысле – русские. Но не из СССР. Многие из них во Франции жили и на войну эту сами явились, никто их не зазывал. Всё у них имелось, дом, деньги и жизнь хорошая. А вот пришли...

– Белые?

– Разные. Бывшие белые тоже встречались.

– И как они?

– Да, нормальные с виду мужики. Опытные и в бою злые – это не отнять. И с нами общались вполне себе ровно. Никто на нас бочку не катил и не злобствовал. А уж какие среди них спецы попадались... – поцокал языком младший лейтенант, – полковник наш уж как их только к нам в отряд не зазывал! Был там один дядька – Дедом его звали. Так он взрывник был – каких поискать! На кухне, наверное, взрывчатку соорудить мог! Такие штуки изобретал – просто волосы дыбом! Он ещё с царских времён специалист, снаряды да мины морские разряжал. В империалистическую его во Францию послали, что-то они там с союзниками тогда вместе делали. А опосля войны Дед в ихнем Иностранном легионе воевал. Между прочим, до капитана дошёл, а это у них непросто! Неохотно они такие чины дают, ежели не француз.

– И что с ним стало?

– Не знаю. Нас раньше отозвали, он там и остался. Погиб, должно быть... уж слишком его франкисты не любили. Да и было за что...

– Надо же... – покачал головою Деревянко. – Интересный человек получается у вас, товарищ командир. Всё, говорите, у него имелось – а воевать пошёл! И добро бы – свой дом защищать, а то в чужую страну!

– Знать, не чужая она ему была, раз пошел, – возразил ему Карпин, рассматривая окопы противника – его позиция была для этого наилучшей. – Товарищ младший лейтенант! А вон там, у леса шевелится кто-то!

Алексей поднес к глазам бинокль. Да... какое-то неясное движение там обозначилось. Перебегали люди, что-то проволокли за собой.

– Илья! Это они ружьё противотанковое тащат! Ну-ка отвесь им пару ласковых!

Гулко ударил крупнокалиберный пулемет в башне. Тотчас же откликнулись пулеметы дота. Со стороны окопов поддержал их ещё один станкач. Зазвенела рикошетами броня, и

перед лицом Ракутина в снег шлепнулась скрюченная в три погибели пуля. Карпин, однако, не умолкал. В бинокль было видно, как вокруг бегущих людей взвились фонтанчики попаданий. Но они упрямо продолжали своё движение и не бросали груз. Но вот, один из них споткнулся, второй... прочие бросились врассыпную. Груз остался лежать на снегу. Так! До вечера они за ним не придут – место открытое. Живём!

– Хорош стрелять! Патроны береги! – повернул голову в сторону броневика Алексей.

– Сей момент, командир!

Крупнокалиберный пулемет замолк, зато затараторил «Лахти». Щедро осыпав пулями окопы, Илья заставил притихнуть вражеский пулемет. Навряд ли он завалил пулеметчика, скорее всего, тот благоразумно нырнул на дно окопа. В противостоянии броневика и станкача однозначно побеждал броневик. Винтовочной пулей броню башни не пробить. Точно так же думал и Карпин, поэтому, в свою очередь, долго стрелять по доту не стал – этим калибром его не взять. Дал пару очередей для острастки и загремел в башне какими-то железяками – надо думать, перезаряжался.

Со стороны окопов пощелкивали одиночные выстрелы – раздосадованные финны вели беспокоящий огонь.

Снова пронесся в воздухе какой-то гул. Явно мотор! Но где? И что это за машина такая? Звук метался в воздухе, многократно отражаясь от леса и склонов оврага, и не давая возможности точно определить направление. Казалось, что неведомая машина совсем рядом.

Хлопок!

Дымная полоса прорезала воздух со стороны дота.

Ракета!

Зелёный шарик рассыпался искрами над башней броневика.

Злобно огрызнулся пулемет и, поднеся к глазам бинокль, младший лейтенант увидел падающего в снег солдата.

Ага, так вот кто ракету запустил!

Но, зачем?

Ответ себя ждать не заставил...

Дрогнули ветки кустов, осыпая снег, и из леса показался...

– Танки, командир!

Впрочем, Алексей уже и сам их хорошо рассмотрел.

«Виккерс финский» – он запомнил фотографии, которые показывали им на инструктаже.

Всё...

С этими парнями бодаться нечего. Находишься они ближе, ещё имелся шанс устроить им какую-нибудь неприятность. Все-таки 13 миллиметров – достаточно серьёзный аргумент, даже и для танка. Подбить, скорее всего, не выйдет, но вот разбить приборы наблюдения или испортить пушку – шанс оставался. Не очень большой, но хоть какой-то.

– Илья! Уходи из броневика! Танки по нему в первую очередь стрелять станут!

Гулко замолотил крупнокалиберный – от бортов танка полетели искры.

Не слышит!

– Гришка!

– Я, командир!

– Хватай этих гавриков – и тащи их к нашим! Сейчас танки подойдут – всем капец!

Шадрин без выстрела прошел – не видят они оврага!

– А вы как?!

– Дуй, говорят! Это приказ! Не задержим их тут, так и ты никуда не дотопаешь – с берега видно далеко, положат просто из пулеметов. Гранаты сюда давай – и вперед!

Отбросив в сторону «Льюис», младший лейтенант метнулся к станкачу. Если его догадки верны...

Хрясь!

И перед закрывавшим броневик земляным бугром, вырос, подсвеченный огнём, темный куст разрыва. Танки начали стрельбу с ходу. Достаточно неплохо начали, надо сказать.

Мелькнул над краем ложбины Деревянко, подталкивавший прикладом обоих шведов. И весьма немилосердно подталкивавший.

Хрясь!

Взвизгнули над головою осколки.

Свисток!

И над гребнем окопа выросла редкая цепь пехотинцев – финны пошли в атаку.

Значит, правильная мысль посетила лейтенантскую голову – угадал-таки! Ну, вот тут-то я вам, ребята, и насыплю угольков за шиворот!

Станкач, хоть агрегат и относительно устаревший, однако ж, в данном случае оказался на своем месте. Разработанный ещё в Мировую войну, станковый «Гочкис» имел длинный ствол и отличался неплохой точностью стрельбы. Да и лупил прицельным боем аж на две версты. В умелых руках – жуткая штука! Алексей его ещё в Испании изучил неплохо и стрелять умел.

В чем немедленно и убедились финские пехотинцы.

Скошенная точной очередью, цепь моментально залегла. Уж десяток человек младший лейтенант однозначно завалил! А неча всех тут дураками считать!

Танк – это, конечно, серьёзно. Но наличия головы он не отменяет. Думать надо было финскому командиру, когда он своих солдат в атаку поднимал! Видел же, что броневик ещё стреляет! Вполне мог предположить и то, что такая вот выходка пехотинцев без должного ответа не останется. Не допер вовремя? «Сам себе злобный баклан» – как говаривал иногда Ракутину командир ещё в Испании.

Правда, надо отдать должное и танкистам – новую цель они обнаружили достаточно быстро. Один из танков развернул башню в эту сторону... и уползать пришлось уже младшему лейтенанту. Прихватив по пути ручной пулемет, он отполз подальше от своей прежней позиции. Там сейчас было плохо – финский стрелок оказался обидчивым (видать близко к сердцу принял тот пендель, которым Алексей попотчевал пехоту) и задался целью вскопать данное место качественно и быстро. По меньшей мере, пяток снарядов он положил достаточно точно – распахал гребень ложбины, будто трактором прошелся. Да и его товарищ тоже не отставал – броневiku всё-таки досталось...

Умолк крупнокалиберный – близким разрывом заклинило башню. На какое-то время над полем боя повисла настороженная тишина – не стрелял и дот, потерявший из виду цель.

На секунду приподнявшись над гребнем, Ракутин увидел Григория – тот как раз подгонял пленных офицеров, перебираясь вместе с ними через реку.

Ну, хоть так вышло! Уйдет, теперь точно уйдёт! На тот берег поднимутся, всего-то метров двадцать и осталось. А там и до леса недалече, ещё с полсотни метров. И всё – поминай, как звали! Не добегут сюда финны, не успеют уже. Цел ещё Льюис, может быть и Илья чем-то пособит – слышно, как он лязгает в броневике какими-то железяками. Главное – жив!

А танки уже лязгают траками, приближаясь к ложбине. Крупнокалиберный молчит, угроза устранена. Стало быть, уже можно ничего не опасаться, подходить ближе. Пехота благоразумно не поднимает голову, ждёт, когда танки выйдут к нашей позиции. Их можно понять, не хотят ещё одной пулеметной очереди в упор. И так им уже сегодня досталось на орехи – как ни считай, а десятка полтора солдат мы сегодня положили однозначно! Пропишут их командиру теперь... мелькнула в голове злорадная мысль.

Над головою свистнули пули – танк обстреливал ложбину, хотя никакого движения в ней уже не наблюдалось. Ответного огня не последовало и, ободренная этим, из снега поднялась залегшая цепь финских солдат. Торопясь и оскальзываясь, они поспешили вслед за танком. Бежать по глубокому снегу было неудобно, и постепенно они сбились в кучку, следуя по про-

ложенным гусеницами боевых машин колеям. И было этих солдат уже существенно меньше – станкач своё дело сделал.

А вот это плохо... Танк, он, в общем-то, слепой – вдали не видит. Так что уходящего Григория, гонящего перед собою шведов, попросту не заметит. Да и вдогонку не рванет – реку не перейти, увязнет. Гусеницы у «Виккерса» не шибко широкие – не очень-то на нём тут погоняешь. Вон, даже и по неглубокому снегу танки идут не так уж и быстро. Вот пехотинец – дело совсем другое... и очень хреновое. Эти, под прикрытием танковых пушек и пулеметов, могут запросто и на другой берег рвануть – с них станется. Финны в лесу воевать мастера, тем паче, что искать особо не потребуется – вот он след, четыре человека прошло! Та ещё тропа...

И что же из всего этого следует? Да нельзя сюда пехотинцев подпускать. Как можно дольше нельзя – пусть они лучше брюхом снег полируют. Да и вообще-то говоря, оборзели они вконец! Прямо-таки стадом за танками валят, совсем никакого к нам уважения не испытывают. Надо лечить...

Процесс лечения выразился в длинной, на весь диск, очереди из «Льюиса». Пули ударили прямо в толпу финнов, повалив передних и заставив мгновенно залечь всех остальных. Со стороны Карпенко никакой стрельбы не последовало и, обернувшись к нему, младший лейтенант успел заметить, как, сбросив полушубок, юркая фигура нырнула через вспаханный разрывами, гребень ложбины.

Это он со связками пополз!

Вот, стало быть, чем там лязгал Илья! Гранаты проволокой вязал! Ну да, у него, как раз шесть штук и оставалось – одну-то я забрал! Значит, две связки у него.

Ближайший танк бабахнул из пушки, и снаряд рванул снежный покров недалеко от Ракутина. Спасаясь от осколков, он пригнулся вниз и не увидел, как один из следовавших за вторым танком пехотинцев, вскинул винтовку.

Карпин не дополз до выбранного им рубежа всего несколько метров...

Рев танкового мотора слышался уже совсем недалеко, а вот разрывов гранат что-то и нет... Менявший расстрелянный диск, младший лейтенант поднял голову... чтобы увидеть, как рослый финн с размаху тычет штыком в тело Ильи.

Ах, ты ж... твою мать!

И единственная граната полетела в ту сторону.

Разрыв опрокинул финна, и ещё парочку оказавшихся рядом солдат.

Щелкнув, встал на место диск.

Так.

Ещё один есть в запасе, но надо быть реалистом – его отстрелять уже не дадут. Сорок семь патронов – это всё, на что можно рассчитывать. Да и то...

Взгляд назад – ветки кустов уже сомкнулись за ушедшими. Всё-таки, я успел это сделать! Теперь их не догнать!

Ну, а раз так... остаётся только заныкаться в ложбинке получше. Танк, скорее всего, мимо пройдёт – вблизи у него обзор плохой, есть шанс, что не заметят. А вот пехоту мы встретим... хорошо так встретим!

Затряслась земля – танк подошел уже совсем близко. Алексей откинулся спиной на край ложбины. Расстегнув клапан кобуры, он попробовал, как выходит оттуда револьвер. Отстегнул ремешок на ножнах.

Всё.

Готов.

Жалко, что гранат больше нет.

Перехватив пулемёт, прижал его ствол к левому плечу, чтобы быстро развернуться на цель при вставании.

Сверху посыпались комья земли – танк взбирался на гребень.

Бросив взгляд влево, младший лейтенант увидел, как вторая боевая машина уже перева-лила в ложбину. Тонкий ствол танковой пушки, повернутой в сторону броневика, чуть-чуть не задел землю...

Гр-р-р-ум!

И на месте башни расцвел огненный цветок!

Взрывом её вывернуло наружу. Из пробойны в крыше вырвались языки огня – по-ле-тели вверх какие-то лохмотья... железяки, ещё что-то. В танке сдетонировал боезапас. Грозная машина как-то сразу стала ниже, словно присела. Ещё один снаряд ударил рядом с неподвиж-ным танком, разбрасывая в стороны опешивших солдат.

Переведя взор на тот берег, Алексей увидел торчащие из леса стволы пушек – вот откуда финну прилетело!

За спиной ударил орудийный выстрел, и на голову Ракутина посыпался всякий мусор, поднятый с земли близким выхлопом танковой пушки. Это второй финн среагировал – быстро! Нечего сказать, там явно не первогодок в башне сидит. Разрыв снаряда вздыбил снег совсем недалеко от позиций артиллеристов на том берегу.

В ответ прилетело сразу несколько снарядов, и всё вокруг заходило ходуном. Стреляли не только из кустов (и как только наши ухитрились туда незаметно орудия затащить?), но и со стороны дороги. Взгляд в ту сторону – по ней шли танки. Наши – «Т-26».

Снова громыхнул нестройный залп – что-то загрохотало и залязгало за спиной младшего лейтенанта.

Потерявший гусеницу «Виккерс», крутился на месте. Всё, теперь ему каюк. Хо-да у машины больше нет, и артиллеристы, заодно с танкистами, вскроют его уже через пару минут. Как консервную банку топором.

Надо думать, что финны и сами пришли к подобному выводу. И резонно решили не испытывать судьбу. Распахнулся башенный люк, и на улицу стали выбираться танкисты.

Ага... только вас тут и не хватало...

Дождавшийся своего часа «Льюис» выплюнул полтора десятка пуль, и вылезавший из люка финн повис в его проёме. Второго отбросило к борту, и он сполз вниз изломанной куклой. Третий, не задетый пулями, испуганно прижался к земле.

Недвусмысленно поведя стволом пулемета, Алексей кивком головы указал ему направ-ление движения.

– Сюда ползи, эй! Понял?

Танкист быстро закивал головой. Дошло... ну да, когда в руках такой универсальный переводчик, тут не то, что по-русски, на суахили заговоришь! (Это непонятное словечко, обо-значавшее какой-то чужой язык, Ракутин слышал от знакомого студента лет пять назад. И с тех пор частенько любил его ввернуть в разговор, подчеркивая свою ученость. На девушек действовало...)

Быстрый взгляд в сторону пехотинцев – а нет их никого! Вон, бегут – только пятки свер-кают! Ну-ну... далеко вы от танков убежите... До леса почти полверсты – не успеть.

Они и не успели – головной танк выстрелил из пушки. Снаряд ударил точно посередине группы убегающих солдат. Да-а... смотреть там теперь уже не на кого.

За дорогой взрыкнул пулемет – проснулся дот. Ну да, это тебе не с пехотой воевать, милоч. Броню таким образом не пробить.

Проснувшийся пулемет, однако же привлек к себе внимание не только Ракутина. Шедший вторым танк, волочивший за собою броневые сани с лежащим там десантом, повернул к доту.

Тотчас же пулеметчик дота перенес огонь на новую цель. Было видно, как рикошетят от брони трассирующие пули. Пехотинцы в санях спрятали головы, оставив торчать над бортом только винтовочные стволы.

Танк продвинулся ещё немного... повел стволом...

Ф-ф-ух!

Громадное, окаймленное по краям дымом, огненное полотнище растянулось над землёй.

Поперхнулся и замолк пулемет, казалось бы, надежно упрятанный под толстым слоем бетона и стали.

Огнемётный танк – вот это что! Приходилось о таких штуках слышивать...

– Ну, вы и лоси! – Комполка прошелся по маленькой комнатухе, в которой размещался командный пункт. – По нетронутomu снегу ваш водитель так пер – ажно пар валил! Здоровый парень, нечего сказать!

– Стараемся, товарищ майор... – после всего пережитого Алексея колотил неслабый озноб. Осматривавший его санинструктор обнаружил, что несколько осколков пробили-таки полушубок и слегка поранили младшего лейтенанта в спину. Наложённые медиком бинты непривычно ограничивали подвижность. Да и вообще... Ракутин уже совсем было свыкся с возможностью скорой смерти и, возвратившись снова к жизни, слегка опьянел от этого события. Обычные слова сейчас удавались с трудом, но комполка этого, казалось, совсем не замечал.

– Сколько дней уже с этим мостом бодаемся! – стукнул кулаком по стене майор. – По ночам тайком бревна подтаскивали, чтобы финские секреты чего не углядели. Землю в мешки насыпали – реку заваливать собрались. Деревья за ночь подпилили и подпорками укрепили – дорогу для танков и пушек готовили. Обходную – основная из дота просматривается. А у финнов где-то пушки стоят. Чуть что – накрывают огнем!

– Стояли, товарищ майор, – облизал пересохшие губы Алексей. – Их наши самолеты накрыли, сам видел. Почти все там вдребезги и пополам разнесли – наш водитель с финским офицером говорил, тот и рассказал об этом.

– Ну и здорово! Ещё один кирпич с души долой! Не станут они по нам сегодня стрелять. Откровенно говоря, младшой, я, как вас увидел, думал – всё, кирдык операции! Сейчас хайшум поднимется, финны за вами на наш берег рванут... и засекут все мои приготовления! А дальше сызнова пушки заработают...

– Мы же не знали... – потупился Ракутин.

– Да ладно! Знали – не знали... Нормально всё прошло! Как у вас там бодалово началось, дал я команду работать в полную силу – не до нас теперь финнам стало. Вышло так, что вы моих бойцов прикрыли, младшой! На себя финнов оттянули и переправу нам обеспечили. Ни одного выстрела они по нам не сделали – уж больно глубоко вы у них занозой в заднице засели. Ты уж извини, что мы тебя сразу огнем не поддержали – не мог я стрелять, пока танки не переправили. А уж как ударную группу приготовили – так и врезали от души! Так что, родной, от нас всех тебе поклон глубокий! Выстояли, хоть и думали тут многие, что вас танками раздавят в пять минут. Отвлекли вы супостатов, да нам пособили неслабо. Налил бы тебе – так медики не велят. Мол, ранен младший лейтенант, нельзя ему!

– Можно... нет же никого?

– Одобряешь? – майор наклонился над столом. Булькнула водка, разливаемая им в кружки. – Держи. Да и бойца твоего помянем – геройский парень оказался!

– Да... Илья... он вообще парнем хорошим был!

– Побольше бы таких!

Огненная жидкость, приятно обжегши горло, пробежала по пищеводу. Сразу ушло оцепенение, слегка расслабились мускулы.

– Полегчало? – усмехнулся комполка. – Тоже мне... лекари... нельзя, мол, ему... Будто и не мужик, вовсе! На, вон, хлеба с салом – закуси.

– Спасибо, – Ракутин взял, протянутый майором, кусок хлеба. – Мне в штаб сообщить надо. Пленные у меня.

– Не волнуйся! Передали уже, куда надо! Уж как наш особист вокруг них гоголем выхаживал – точно сам их и приволок! Никого и близко не подпустил! Ловко вы это дело организовали!

– Как учили.

– Уважаю! – кивнул комполка. – Короче. Я на вашу группу представление напишу. Уж как там у вас этих фазанов оценят – бог весть! А мне вы капитально помогли! Ружья ихние противотанковые повыбили, да пехоту из окопов подняли. Мы, почитай, всех и положили – на поле-то! У полка потеря – шесть человек всего! Да раненых меньше десятка. Танк захватили и дот почти целый, только почистить его от гари осталось. Словом – спасибо! Ещё по одной?

– Давайте, товарищ майор.

Снова звякнули кружки.

– Эх тебя развезло-то! – покачал головой комполка. – Вон там комнатуха, отдохни. Машина только через час-полтора придет, тогда и разбужу.

– Присаживайся! – указал на стул Мамсуров. – Как спина?

– Да, нормально все, товарищ полковник... – Ракутин старался держаться прямо и не особенно сгибать спину – раны сразу же начинали о себе напоминать.

– Нормально, говоришь? – усмехнулся командир. – То-то я и смотрю – словно кол проглотил!

– Ну... есть малость.

– Ладно, госпиталь от тебя не уйдёт!

– Да мне бы здесь...

– Ты нам всем живой, да здоровый нужен! И не пререкайся с командиром! – шутливо погрозил пальцем Мамсуров. – Как от меня выйдешь – так сразу и отдам тебя врачам. Они уже на пороге ждут – не увильнешь! Это тебе не финны – от них ещё никто не убежал...

– Есть, в госпиталь, товарищ полковник!

– То-то же! Ладно, теперь по делу давай, – полковник зашелестел бумагами. – Рапорт твой я прочел, тут все ясно. Жаль, что Карпин погиб... но тут уж ничего поделать было нельзя. А так – молодцом сработали! Даже броневики ваш в тыл вытащили и обещают восстановить. Кстати, за подбитую зенитку – от летчиков спасибо! Они же на ту батарею вдругорядь налетели, так особо отметили, что огонь зенитный ослабел. Там, надо полагать, наводчик опытный имелся, на пушке этой. Здорово парням волосы пригладил пару раз. Так что её отсутствие пилоты враз засекли.

– Ну... Я, откровенно говоря, про них как-то и не подумал. Нам самим прорываться надо было.

– А на дороге, когда пушки финские курочили, об чём тогда мысли были?

– Так... это ж финны, товарищ полковник! Враги! Как им пушки целые оставлять? Нельзя же так!

– Вот! Враги! Так что, младший лейтенант, правильно ты тогда поступил! И впредь – так же делай! Тогда и победим! Ладно... по делу всё. Представление на всех, кто участие в захвате шведов принимал, я напишу. А ты – свободен! В рамках госпиталя, ясное дело!

– Товарищ полковник, а как отряд наш? Вышли?

– Нет пока. Гоняют там его финны по лесам, офицеров этих отбить пробуют. Но, хрен у них это выйдет! Ребята уже к линии фронта подошли. Не сегодня-завтра, перейдут к нам. Мы им поможем. Авиацией прикроем и артогнем.

Ракутин поднялся и, слегка пошатнувшись от резкого движения, оперся о стену рукой.

– А револьвер твой где? – приподнял бровь Мамсуров.

– Осколками, должно быть, ремень порвало, товарищ полковник... Не нашел я его потом, так с кобурой и пропал... Комполка обещал, что найдут – сказал, мол, всю ложбину перероют.

– Невелика беда – главное, что сам уцелел. Ну, а револьвер... – полковник усмехнулся и, открыв ящик стола, вытащил из него кобуру. – Держи – законный трофей!

– Что это?

– Сам же и принёс! Вместе с вещами этих шведов. В одном мешке всё и лежало. Хорошая машинка – «Браунинг» тридцать пятого года. Мощный агрегат, приходилось из такого стрелять. К нему даже приставная кобура есть, вроде, как у маузера. Да только офицеру этому, видать, в лом было её носить. А ты – заслужил! Приказом оформим, как наградной. Носи!

Так вот и появился у Ракутина трофейный «Браунинг». Пистолет, действительно, оказался неплохим, мощным и точным.

Да и со всеми прочими наградами их тогда не обошли. Всех участников прорыва наградили медалями «За отвагу». А Карпина (посмертно) и Ракутина – ещё и орденами.

А наган нашелся. Комполка свое обещание выполнил – в госпиталь оружие привез посыльный.

22.06.1941 г.

Толчок в бок вырвал капитана из объятий сна. Надо же... заснул! Знать, здорово напался в последнее время, раз даже в самолете уснуть ухитрился! И трясёт и шумит – какой уж тут отдых!

Самолет тряхнуло ещё раз, и Ракутин повалился на своего соседа – молодого лейтенанта. Тот, ухватившись рукой за какую-то железяку, удержался на своем месте и не дал капитану свалиться на пол.

– Пилот, что – дрова везёт?! – возмущенно крикнул кто-то из соседей. – Кто там к кабине ближе – скажите ему!

Хм, скажите... для этого, туда, как минимум, попасть надо. А самолет трясло и болтало так, что устоять на ногах не было никакой возможности.

Громко взвыли моторы – их рев был слышен очень хорошо и по корпусу самолета вдруг, словно ударили палкой! Да не один раз!

В воздухе повисла пыль, полетели какие-то искры, и громко вскрикнул сосед Ракутина. Снова удары!

Треск.

И визг.

Визг шальной, очумело метавшейся по салону, от ricochetившей пули...

Да это же пулеметный огонь! Нас обстреливают!

И всё встало на свои места...

Рывки и толчки – пилот пытался уйти из-под обстрела.

Громкий рев двигателей – повысил скорость, чтобы оторваться от преследования.

Выходило не очень – неведомый стрелок пока не промахивался.

Около ног капитана скорчился сосед, напротив – обмяк на полу ещё один. Спереди, матерясь сквозь зубы, рвал рукав гимнастерки немолодой уже старший лейтенант. Пробитая пулей, его правая рука висела плетью.

– Бинт есть, капитан? – уловив взгляд Алексея, крикнул раненый.

– Есть! В чемодане!

Да где теперь тот чемодан... Разбросанные при маневрах самолета вещи, хаотично разлетелись по всему салону.

– Есть бинт! Индпакет есть! – крикнул кто-то позади капитана. – Держи!

Обернувшись, Алексей успел поймать в воздухе сверток. Вскочил со своего места и подобрался к раненому.

– Давай руку! Перевяжу! Не опасайся – у меня опыт есть, не тебя первого бинтую!

Тональность и звук моторов самолета, изменились – стало чуть-чуть потише. Зашуршало в ушах, самолет менял высоту – снижался.

Внезапно взвыл и захлебнулся один из двигателей.

Пол в кабине перекосило – самолет накренился на бок. Угу, как раз, в сторону замолчавшего двигателя.

Совсем здорово... если мы ещё и на посадку так зайдём...

А, похоже, именно это и собирался делать пилот.

Самолет тряхнуло, ещё раз...

Распахнулась дверь в пилотскую кабину, и оттуда выглянул кто-то из членов экипажа.

– Держитесь там все! На вынужденную идём!

– Что вообще происходит? – крикнул кто-то из пассажиров.

– Да черт его знает! Обстреляли нас! Самолеты какие-то незнакомые... Движок один разбили! Второй пилот ранен!

И он снова скрылся в кабине, захлопнув за собою дверь.

Вот тебе и здрасьте! Кто мог обстрелять самолет? Свои? Перепутали с... а с кем, собственно говоря? С немцем? Так это совсем слепым надо быть! Да и не стали бы наши пилоты стрелять, во всяком случае – сразу. Постарались бы посадить, на эту тему даже приказ специальный был. Палить сразу наши истребители не будут, таких идиотов в летных частях не держат.

И хотя сейчас раннее утро, настолько окосеть летчики уж точно не могли! Да и члены экипажа эти самолеты тоже не опознали...

Массовое охренение?

Ну да, ищите дураков...

А вот на провокацию это похоже гораздо больше!

Самолет сильнее затрясло.

Хренак!

Лязгнули зубы, и из глаз посыпались искры.

Ох, и мать же вашу! Таким макаром нас тут и стрелять не надо будет – и без того дух выбьют, одной посадкой!

Самолет снова подпрыгнул, на этот раз – уже не так сильно, покатился... сели.

Остро завоняло бензином.

Снова распахнулась дверь, и в салоне появился тот самый летчик, который выглядывал только что.

– Все на фиг из самолета! Рвануть может в любой момент! Бензопровод перебит!

Дважды повторять никому не пришлось. Распахнув дверцу, все – пассажиры и пилоты, вывалились наружу. В салоне осталось двое, сосед Ракутина и ещё один капитан – им уже было все равно...

– Спасибо! – старший лейтенант согнул и разогнул руку. Поморщился.

– Болит? – Алексей сложил перочинный нож и спрятал его в карман.

– Есть такое дело... – не стал ломаться его собеседник.

– Повезло тебе – навyleт прошла! Чуть в сторону – и кость перебило бы!

– Да рази ж, я спорю... – старший лейтенант попытался, по привычке, развести руками и снова скривился.

– Ты руку-то береги! Пока ещё до врача дотопаем...

Капитан поднялся с пенька, на котором он примостился, бинтуя руку, сидящему рядышком раненому. Пилота уже перевязали – ему достались сразу две пули. В ногу и в предплечье. Хорошо, что в пилотской кабине присутствовала санитарная сумка – согласно приказу. За этим следили строго – вдруг кому-то из пассажиров потребуется помощь? Им, кстати говоря, повезло – неизвестные истребители обстреливали, в основном, кабину пилотов. Да и то... нельзя сказать, чтобы очень успешно. Долбани они всерьёз по салону – двумя убитыми не отделались бы. В горячке уклонения от огня, пилоты даже затруднялись ответить не только на вопрос – что это были за самолеты, но даже и сколько их напало... Два? А, может – три? Точно – не четыре.

Криво раскорячившийся на лугу транспортник, так и не загорелся – повезло! Так что, первым делом Ракутин разыскал в продырявленном салоне свой чемодан. А оттуда, никого не стесняясь, вытащил браунинг в кобуре и привесил его к поясу. Хватит! Тут стрельба не подетски уже пошла, чего скрываем-то? И от кого – от своих товарищей? Чай, не урка в подворотне с обрезом – а красный командир! С наградным оружием, между прочим! И начхать, что с нетабельным!

А положение, тем временем, складывалось непонятное.

Никакого жилья поблизости не наблюдалось. И, хотя самолет и приземлился на проселочной дороге, никто по ней пока что, не проехал. Связи не было – передатчик разбило пулями. В довершение всего, за горизонтом что-то бухало и грохотало.

Что происходило?

Маневры?

У самой границы?

Провокация?

Ответа не было...

Даже не было окончательной ясности в том, где именно сейчас находится самолет. До Львова не долетели – это понятно. Броды... они вроде бы остались где-то в стороне.

– Где-то там... – неопределённо показал рукою штурман. – Должен находиться Радзехув. Там аэродром, куда мы должны были высадить секретчиков, есть связь – пост ВНОС. Можем вызвать помощь. Да и на почте, наверняка, имеется телефон.

Импровизированный военный совет длился недолго.

Да и некому было лясы точить. Собственно говоря – и незачем, вариантов получалось совсем немного. Из пассажиров не имели ранений четверо, летчики от самолета уходить не могли.

Пожилой лейтенант-секретчик свой груз покидать отказался наотрез. Его товарища убило, и оставить почту без охраны лейтенант не имел права. От Алексея толку тоже вышло мало – эти места были совершенно незнакомыми, куда идти и кого искать – неизвестно. Раненые успешно передвигаться не могли. Оставались капитан-артиллерист и неразговорчивый майор-инженер. Они оба знали местность, ориентировались – где и кто командует. Так что идти выпадало кому-то из них.

Выбор пал на капитана. Крепко сложенный и подтянутый, он вызвался сам. Да и не казалась эта задача слишком трудной. Километров десять-пятнадцать хода. Скорее всего, даже и меньше, наверняка, по дороге встретится какой-либо транспорт, да хоть телега, наконец!

– Пусть летучку пришлют, ремонтников, – торопясь говорил первый пилот. – Поле здесь более-менее ровное, взлететь, в принципе, можно. Нам бы только движок починить! А ежели еще с десятков бойцов с лопатами и топорами подбросят, так мы вообще тут взлетную полосу сделаем!

Капитан кивнул и вскинул на плечо вещмешок.

– Ладно! Постараюсь побыстрее – мне самому рассиживаться недосуг! Дивизион без командира батареи остался, непорядок! Тут, черт его знает, что происходит – а я прохлаждаюсь!

И его фигура вскоре скрылась за поворотом дороги.

Проводив его взглядом, Алексей вздохнул и повернулся к оставшимся.

– Ну, что делать будем, славяне? Перекус бы какой организовать, а?

Среди вещей пассажиров и в пилотских запасах отыскалось кое-какая снедь. Пара банок консервов, пачка печенья, чай – кубик заварки и немного сахара. Это слегка приподняло настроение. Летчики притащили из самолета брезент и совместными усилиями натянули тент, укрыв от солнца лежащих раненых. Там же, в самолете, отыскалось помятое ведро. Вот и славно! Теперь можно и чайку подогреть! Что ещё нужно русскому человеку? Глоток горячего чая, да печенюшкой зажевать. А ещё и тушенки перехватить – совсем здорово будет!

Прихватив ведро, Ракутин бодро потопал к краю леса – должен же где-то там быть ручеек? Зелень в данном месте густая, наверняка и вода есть.

Есть-то она есть... да только вот найти её оказалось делом совсем нелегким! Капитан налезил по кустам и едва не свалился с откоса. Правда, именно благодаря этому, ручеек наконец-таки отыскался. Неглубокий, но с очень чистой и вкусной водой. Наполнив ведро, Алексей снял с себя гимнастерку и ополоснулся. Сразу прибавилось бодрости. Прислушиваясь к далекому грохоту, оделся и затянул ремень.

Явно что-то произошло. Провокация? Да, скорее всего. Очень уж напряженная и нервозная обстановка сложилась на границе в последнее время. Вот и нас на усиление бросили – это уж точно не просто так! Наверху тоже не последние дураки сидят, должны соображать! Эх, вот ведь незадача-то выходит! Вот прибуду на заставу – а там бой идет! Скажут – а где ж ты, друг ситный, отсиживался? Мы тут, рук не покладаячи, супостата бьём, а ты в тылу сидишь? Нет, надо было вместе с капитаном идти! Быстрее бы и на место попал.

Прикидывая в уме сценарий будущего доклада руководству, капитан выбрался на дорогу. Ребята у самолета, поди, заждались уже – надо поспешать! Того и гляди от Золотичей подъедут, и не перекусим-то толком...

Как накаркал!

На дороге появилось облачко пыли – кто-то ехал. Приложив ко лбу ладонь, Алексей всмотрелся вперед. Ага, грузовик! Ещё один – наверняка бойцов для ремонта и расчистки взлетной полосы привезли. Ай да капитан! Во даёт – так быстро все организовать – талант иметь надобно!

Смотри-ка, даже танк! И ещё машины какие-то незнакомые...

Стоп.

Отчего же это – незнакомые?

Очень даже знакомые!

Шестиколесный тяжелый немецкий бронеавтомобиль. Характерный излом бортовой брони и призматическая башня – не перепутаешь! После финской истории, Мамсуров заставил весь личный состав вызубрить наизусть характеристики бронетехники вероятного противника.

Вот это да... приплыли...

Немецкий броневи́к в нашем тылу?!

Так они прорвались на нашу территорию?

Ерш твою мать...

А техника уже поворачивала с дороги к самолету. Вот и второй танк показался... ещё грузовик. Не менее двух взводов пехоты, два танка, броневи́к – Алексей с тоской посмотрел на кобуру с пистолетом. Ага, много им тут навоюешь! Тринадцать патронов против целой оравы

фрицев. Вторая обойма тоже есть, но вот перезарядить уже можно и не успеть. Но и сидеть безучастно тоже нельзя! Там свои у самолета, раненные!

Звякнуло дужкой отставленное в сторону ведро. Чмокнул затвор, досылая в ствол патрон. А вот ползать нам учиться не нужно... этому делу я и сам, кого хошь, научить смогу.

Особенных планов не было. Воевать с танками пистолетом – самоубийство. А вот завалять пару-тройку солдат – очень даже реально. Уж парочка гранат там точно отыщется, а это уже – не комар чихнул! Шороху наведу, авось, ребята и сообразят, что делать в такой обстановке.

Но события развивались гораздо быстрее. Сухо щелкнул выстрел. Ещё один... сразу десяток стволов затрещали вразнобой. От самолета метнулась невысокая фигурка. Секретчик!

Прижимая к груди портфель, он на бегу отстреливался из нагана.

Метнувшиеся ему вдогонку солдаты, врассыпную бросились под прикрытие техники.

Рыкнув мотором, броневик свернул вбок и, описав полукруг, преградил дорогу бегущему. Тот, расстреляв все патроны, остановился, исподлобья глядя на запыленную машину.

Скрипнув зубами, Алексей сменил направление. У лейтенанта же секретные документы! Надо спасать...

Не очень, правда, понятно как... но и отлеживаться в кустах нельзя.

Скрипнув, повернулась башня броневика – угрюмые стволы уставились на беглеца. Приоткрылась дверца и кто-то что-то прокричал – Ракутин не разобрал слов. Но лейтенант, судя по всему, их понял. Обреченно кивнув, он бросил на землю пустой револьвер и, сделав пару шагов, опустился на землю. Портфель беглец из рук не выпускал.

Закинув за спину винтовки, от машин к нему направлялись двое немцев. Молодые, задорные парни. Рукава кителей закатаны – жарко! Не торопясь, они разделились, обходя сидящего на траве лейтенанта. На ходу один из них ловко подхватил с земли наган.

Далеко! Из пистолета не попасть! Теоретически – можно, у него прицельный бой на двести метров. Но Алексей трезво оценивал свои способности и понимал – свалить немцев он не сможет. Максимум – напугает. Так у них и свое пугало есть – вон, стоит, трубой выхлопной воняет. Как причешет из пулемета кустарник – мало не будет.

А солдаты уже подходили к секретчику. Тот поднялся с земли и расстегнул клапан портфеля – один из солдат тотчас же сдернул с плеча карабин. Отскочил в сторону и вскинул оружие к плечу. Лейтенант отрицательно помотал головой и протянул портфель подходящему солдату. Что ж он, змей такой, делает?! Сдается? Да как можно?! Ракутин надал, стремясь сократить расстояние.

Второй немец, стараясь не заслонять противника от страховавшего напарника, тем временем подошёл ближе. Требовательно протянул руку. Лейтенант быстро закивал и, подняв портфель на вытянутые руки, шагнул к солдату.

Что он при этом сделал – Ракутин так никогда и не узнал. Хлопок – и из портфеля вырвался клубок пламени! Термитная шашка! И ещё какая-то гадость... Приходилось слышать про такие вот штуки, только вот не знал я, что и у нас их используют – мелькнула в голове мысль. Вот тебе и неповоротливый! Зря я так плохо про него подумал...

Немцу досталось изрядно – схватился за лицо, завопил, как будто его резали, но тотчас же и замолк, свалившись на землю кулем. Алексей видел, как почернела форма у него на груди. А не хватай так чужие вещи! Надо полагать, и по роже наглой неслабо пришлось.

Лейтенант, однако, времени не терял – подхватил с земли оброненный фрицем карабин, передернул затвор...

Да-да-дах!

Коротко рыкнул пулемет броневика.

А хороший там пулеметчик – секретчик-то почти на одной линии с прочими немцами стоит! Не боится, стало быть, стрелять фашист – уверен в себе.

Так и оказалось – не промахнулся стрелок. Не успев выстрелить, лейтенант уткнулся лицом в землю...

К упавшему фрицу тотчас же подбежали несколько человек. Во главе с офицером – капитан слышал резкие повелительные команды. Недогарка подняли с земли и, наскоро перевязав, потащили к машинам. А броневик остался стоять на месте, угрожающе поводя по сторонам тонким пушечным стволом.

Блин!

Обидно-то как! Ничем не помог!

А мог?

Мог. Хоть в воздух пальнуть – немцы отвлеклись бы тогда на пару секунд...

Ага.

И сейчас тут валялись бы два покойника.

Впрочем... этот кирпич, пожалуй, что и не пролетел пока мимо...

Прибежавший с солдатами офицер, замолчав, стал что-то разглядывать на земле.

Что он там ищет?

Черт, да я же тут и проходил! По траве – вон и сейчас след виден.

В эту сторону. А назад – нет ничего, не возвращался человек...

Повелительно взмахнув рукой, немец приказал трем солдатам идти по следу. Слава богу, что все прочие с ними не отправились. Построились в колонну и потопали вслед за командиром к машинам. Остался на месте и броневик. Что-то там лязгнуло, и капитан увидел распахнувшийся люк – экипаж проветривал свою стальную коробку. Жарко им, видите ли... гранату бы вам туда сунуть! Но нет её...

Солдаты, между тем, подошли достаточно близко. Двигались они неторопливо, кусты и траву осматривали внимательно и сектора обстрела друг другу не перекрывали. Знакомое построение – так они и в Испании ходили. Нечасто случалось там видеть в бою или на марше немецкую пехоту, однако же – запомнилось!

Ничего-ничего, ребята, тут вы до второго пришествия глазами землю рыть можете. В одну сторону здесь след – я из лесу в другом месте выходил. Оттого-то и лежу сейчас у вас на фланге. А грамотно фрицы идут! Вот только замыкающий назад не смотрит. Да и правильно – там его броневик страшует. А когда же замыкающий обернется? Тогда, когда они в лес войдут, да метров десять-пятнадцать по нему протопают. Вот тогда и станет солдат за своей спиной смотреть. Ибо – лес. А до того он на броневик полагается.

И какой из всего этого будет вывод?

Простой – валить надо этих фрицев! И замыкающего – первым валить! Почему? Да, потому...

И капитан заскользил назад. Помогало то, что немцы и сами никуда особенно не спешили, так... следовали по протоптанной дорожке. Изредка останавливаясь и оглядывая местность. Так что, до леса дошли почти одновременно.

Ну да кто дошел, а кто – и дополз...

Опять гимнастерка вся взмокла...

Здорово помогло то, что скрывшись из глаз руководства, троика остановилась и достала курево.

Эк у вас строго-то!

На позиции, поди, унтер не разрешает?

Или от офицера втык?

Ну ничего... покурите... напоследок...

Вот и кусты. Заползши под их укрытие, переведем дух. Ф-ф-у-у... казалось, сердце выскочит... передохнуть бы...ан, фигушки, некогда. Так, кобура расстегнута, пистолет нормально из неё выходит, а вот где нам тут взять... ага, вот он! Толстый обломок ветки сам собой прыгнул в руку. Кривоват и неудобен – но, сойдёт.

Войдя в лес, немцы не изменили порядок построения. Только замыкающий стал внимательнее поглядывать по сторонам. Все верно – тут обзор не ахти, могут подойти незаметно. А товарищи двигаются вперед, всецело доверившись идущему позади. Со следами стало хуже, трава в лесу уже не такая густая, след виден не настолько отчетливо. Но есть ещё обломанные ветки и прочие мелочи, на которые опытный человек обращает внимание.

Идут... как и предполагалось, по следу найденному топают. Ну, так... не совсем же лопухов сюда послали? По всему судя – это разведка, стало быть, и солдат сюда набрали опытных да умелых. И грамотных. А что такое военная грамотность по-немецки? В значительной своей части – четкое следование предписанным нормам и порядку. Иными словами – действия по уставу. И отклонения от него в подобном случае не приветствуются. Сейчас они дистанцию сократят – в условиях ограниченной видимости иначе поступить не могут.

И будут дальше топтать компактной группой. Абсолютно не вопрос и не проблема положить их из пистолета хоть сейчас. Только в этом случае, уже через несколько минут здесь будут их товарищи – прибегут на выстрелы. Ну, собственно говоря – и флаг вам в руки, здесь танки не помогут – нет им сюда хода. Но тут и пехоты хватит... Нет, надо постараться без стрельбы, хотя и не факт, что выйдет...

Чего ждем?

А вот тут кое-кто давеча в откос чуть не нае... словом, чуть не упал. Там и следы хорошие остались. Стало быть, немцы туда пойдут. Обязательно пойдут! И помогать друг другу будут, не могут не помочь – требования устава! Как следствие – встанут рядышком...

Так и оказалось. Увидев следы скольжения, оставленные на крутом откосе неизвестным, солдаты приняли меры предосторожности – никому не хотелось загреметь вниз. Передний солдат закинул карабин за спину, и присел. Второй протянул ему свое оружие, поставив его на предохранитель и отстегнув ремень, за который и ухватился первый. Замыкающий встал на краю откоса, внимательно наблюдая за кустами внизу. Мало ли... выскочит оттуда сбежавший комиссар с ножом в зубах...

Комиссар не выскочил, но сильно легче от этого не стало – прилетевший из кустов основательный сучок, чувствительно долбанул по затылку. Каска – она, конечно, вещь нужная и много от чего спасает... если в неё попасть. Но неведомый злодей оказался кривоватым на глаз и в каску не попал... а вот по башке солдату досталось. Насмерть не убило – чай не кирпич летел, но с откоса солдат навернулся – прямо на своих товарищей. И вся троица дружно покатилась вниз...

Наддай!

И несется навстречу земля.

Вот и кромка откоса. Прыгаем!

У-ух!

Не промазать бы... хотя цель хорошая!

Н-на!

Лязгнули зубы, и на секунду в глазах помутнело.

Левая нога промахнулась и попусту просвистела в воздухе. Зато правой ногой капитан точнехонько припечатал солдата, который уже начал подниматься с земли. Восемьдесят килограммов веса, да при прыжке с почти четырехметровой высоты... госпиталь гарантирован. Тому, на кого весь этот груз и свалится.

Так, что мы имеем?

Клиент, которому ногой припечатал – лежит. И долго ещё лежать будет, такой пинок, если и сразу дух не выбьет, то уж здоровья точно не прибавит. Чуть в стороне второй лежит. Оружия нет, надо думать, это тот, которому сучком прилетело. Тоже можно некоторое время на него не смотреть – ему сейчас не до драки.

А вот и третий.

Поднимается с земли, башкой вертит – очухался? Надо срочно вскакивать – сейчас фашист осерчает и начнет...

Вскочив на ноги, солдат огляделся по сторонам. Товарищи лежат рядом, никто из них не шевелиться, а напротив него стоит русский. Офицер! Оружия не видно, стоит и ухмыляется. Как это он нас? И чем?! Быстрый взгляд по сторонам – никого рядом нет. Он один? Один! Ну что ж... тем хуже для него...

Как и ожидалось, немец в драку не полез. Зачем? Ведь у него есть карабин, а противник безоружный стоит. Стало быть, логика подсказывает ему – есть оружие – им и пользуйся! И солдат так и поступил. Рванул с плеча свой карабин. Ну-ну... этого-то нам и нужно.

Прыжок вперед, немец дернулся – поздно!

Подбив ладонью приклад и, ухватившись за ствол, капитан провернул карабин в воздухе. А ремень-то у фашиста при этом на шее оказался – из руки выскользнул, да точнехонько туда и попал... правильно, ведь он оружие, как и предписано – через голову снимает! Наш-то крутанул бы прикладом вперед, оружие на грудь перемещая, да тогда уж и снимал бы, в сторону при этом уходя. Так то наш... Мамсуровым тренированный... не немец!

А мы карабинчик-то ещё повернем...

Теряющий сознание солдат, забил ногами, пытаясь хоть как-то вывернуться из захвата. Увы... жесткий ружейный ремень, безжалостно сдавивший горло, никаких шансов не оставлял.

Чуть подергались в судорогах ноги, загребая песок – и всё. Выпустив из рук обмякшее тело, Ракутин поднял с земли карабин немца. Надо и о других солдатах позаботиться, а то, не ровен час и они в себя придут.

Уже не придут.

Капитан устало опустился на землю и перевел дух. Все, с этими гавриками покончили. И что же мы сейчас имеем?

А имелось в наличии три маузеровских карабина калибра 7,92. Три гранаты-колотушки и одна поменьше, на нашу лимонку похожая. Так, есть теперь чего в броневику сунуть.

Патроны к карабинам – этих даже и с избытком оказалось – всех, пожалуй, что и не утащить. Хотя, нет, утащим. патронов много не бывает – эту истину все бойцы отряда усвоили ещё в Испании. Их либо не бывает вовсе, просто мало и немного, но больше не унесешь.

Ещё отыскалось три фляги. Две с водой и одна со шнапсом. Вот вода – это очень к месту, в глотке совсем пересохло, словно и не пил совсем недавно. Шнапс, в принципе, тоже не помешает. Хоть и не наша водка, но сойдёт... на первое время.

Выбрав из трех карабинов тот, что казался поновее, Алексей вытащил из оставшихся затворы и разбросал их по сторонам. Сами карабины тоже забросил в кусты. Трофейный ранец – за спину, туда же и основной запас патронов. А шесть подсумков нацепил на ремень. Привесил сбоку гранатную сумку, запихав туда все гранаты.

Ну вот, теперь можно и воевать! Не с пустыми руками – уже хорошо! Да и наши скоро должны подойти, пора! Такой прорыв немцев внутрь нашей территории точно незамеченным не остался. Да и истребители эти... Что-то подсказывало капитану, что и их появление в воз-

духе было совсем не случайным. Не просто так это всё! Провокация, это и к бабке не ходи, но какая неслабая! Нет, здесь в кустах сидеть нельзя. Ребята на границе, наверняка удар готовят, чтобы этих наглецов отрезать, да прихлопнуть. А я вот тут, в спину этим фрицам и ударю. И никакая это не подлость, а вполне себе нормальная, военная хитрость! Уж я вам секретчика-то припомню – геройский мужик оказался! А внешне – и не скажешь.

Однако пора и к опушке леса выходить. Скоро уже немецкий унтер или офицер беспокоиться станет – а где дозорные? Вышлет сюда уже не троих, а как бы и не отделение сразу. И на здоровье – лес большой, пока вы тут своих солдат разыщете... не зря же я их поглубже в чащу отволоч, да следы на песке веткой замёл? Найдут, разумеется, так ведь не сразу же?

А ведь солдат-то у вас не так уж и много! Два взвода – это, конечно, серьезно. Но ведь скоро уже придут наши, бой точно будет. А целое отделение немцев – в лесу бесполезно плутает... Десяток винтовок с поля боя долой – тоже, надо сказать, поддержка для наших. Не так уж и до фига – но вовремя.

Капитан как в воду глядел!

Не прошло и двадцати минут после его возвращения на прежнее место наблюдения, как немцы забеспокоились. От самолета, развернувшись в цепь, к лесу двинулись сразу полтора десятка солдат. Даже больше, чем Ракутин рассчитывал. Ну и здорово. Со своей позиции уходить уже не надо, Алексей благоразумно отполз в сторону, чтобы не оказаться на пути немцев. И теперь спокойно наблюдал за их маневрами. Эх, вон тот, на фланге – точно ихний унтер! Вот его бы сейчас и заземлить – цепь наверняка заляжет. Но нет, стоит ещё на позиции броневик. Этот раздумывать не станет – нафарширует кусты свинцом. Да так, что всю листву с них оборвёт! Нет, с этой машиной – шутки побоку.

А её экипаж, надо думать, совсем от духоты одурел. Дверца в борту распахнута, и на пороге сидит немец в темной форме. Ноги свесил и на пехотинцев поглядывает. Жарко ему... Ничего, скоро уже наши придут – так и вовсе взопреешь! И башенный люк открыт – оттуда тоже торчит кто-то из экипажа. Аж по пояс вылез.

Миновав броневик, цепь солдат углубилась в лес. Погуляйте там, ребятки... пару часов таких прогулок точно вам обещать могу. Чего-чего, а следы замечать, да ложные устраивать – это мы умеем! Вот и побегайте, говорят, лесные прогулки на здоровье хорошо влияют. А у вас – там, в Германии, с этим делом плохо. В том смысле, что таких чащоб, наверное, и вовсе нет. Когда ещё в настоящий лес попадёте? Пользуйтесь, пока возможность есть.

И вторично Алексей мысленно поставил себе плюс – со стороны, куда ушел капитан, показалось облачко пыли. Кто-то там ехал. Пока ещё невозможно было разглядеть, кто именно. Но новоявленный пограничник был уверен – это свои.

По-видимому, и у немцев были причины ожидать появления противника, раздались, еле слышные на таком расстоянии, команды. Замелькали у самолета солдаты. От грузовика отцепили пушку и развернули её в сторону дороги. Всполошился и экипаж броневика, машина взрыгнула двигателем и съехала в ложбину, откуда осталась торчать только башня с пушкой. Дверцу в борту экипаж, разумеется, прикрыл, но вот люк в башне оставался открытым – жара!

А облачко росло. Вскоре уже можно было разглядеть очертания машин – шли танки. Сколько именно, сказать было трудно, все-таки далековато. Но фашисты, расположенные ближе к дороге, несомненно, это видели лучше. И свои выводы сделали быстро.

Ударила пушка, и секунду спустя, её поддерживали орудия немецких панцеров. Выстрелил из своего орудия и броневик. На дороге встали всплески разрывов. Не слишком удачно – ни одного советского танка им подбить не удалось.

Но теперь-то стало совершенно ясно – это были наши! Теперь, когда они развернулись на выстрелы, стало видно, что первым шел БТ-7. Не сбавляя хода, он выстрелил из пушки –

и удачно! Вспыхнул и накренился на бок грузовик. На немецких позициях разорвалось ещё несколько снарядов – следом за головным, открыли огонь и остальные танки.

Немцы в долгу не остались и по БТ ударили разом из всех стволов. Он на какое-то время закрылся пыльным облаком, куда снова полетели снаряды со всех сторон. Неистовствовал и броневик – его пушка долбила почти безостановочно.

Выматерившись, Алексей скользнул к нему, сжимая в руке гранату. Если бросить под броневик связку, можно очень прилично его покорёжить. Во всяком случае – стрелять он перестанет. А это будет неплохим подспорьем, всё-таки одной пушкой станет меньше. А она ведь, к тому же, расположена на фланге, точняк в борт нашим бьёт!

Почти не пригибаясь, капитан бежал к броневiku. Уж навряд ли сейчас кто-то смотрит назад, противник – вот он, впереди!

«Только бы свои сейчас по броневiku не дали!» – мелькнула в голове мысль.

А что?

Запросто могли, уж пушку-то, бьющую с фланга, они точно уже заметили. И очень даже запросто могут навесить сюда пяток снарядов. Что там будет с броневиком, трудно сказать. Но вот одиночного пехотинца накрыть разрывом могли легко. Брони у него нет, а кусты – плохая преграда снаряду.

Блин, ещё же связку надо как-то сделать! Бинтом связать? У немцев они были, и Алексей их, разумеется, прихватил. Думал ребятам у самолета помочь, а вон оно как вышло... Не помогать будем, а связку вязать, хоть и маловато для этого гранат – всего три. Лимонку к ним не прищипандорить – неудобно. Хотя...

Ракутин на мгновение притормозил.

Люк!

Открытый люк на башне!

Если туда забросить гранату...

Если попасть, разумеется.

Но вот тут, ему похвалиться было нечем. Гранатометчик из капитана был тот ещё. То есть, плохой. И попасть точным броском в такую маленькую цель – шансов было немного.

А если не бросать?

Можно ведь и, просто так, её в люк сунуть?

Залезть на башню?

Неудобно... да и стрёмно как-то... заметят ведь.

Броневик снова выстрелил.

Да он так всех наших перебьёт!

Больше не раздумывая, Ракутин бросил мешавший карабин на землю, сунул за пояс гранату и, оттолкнувшись, прыгнул с края ложбины на корпус броневика.

Лязгнули по броне подковы на сапогах.

Несомненно, экипаж машины глухотой не страдал и поэтому, в любую секунду из люка могла вынырнуть рука с пистолетом. Да и просто гранату наружу выбросят – мало не будет!

Надо успеть!

Пробежав по корпусу пару шагов, капитан выдернул гранату из-за пояса.

Колпачок – долой его!

В руку скользнул шарик.

Рывок.

Привычного хлопка запала не последовало – у немцев он был терочный. Встряхнув в руке гранату, Алексей подскочил к люку.

И встретился взглядом с немцем, который как раз поднял глаза вверх...

Мокрые, прилипшие к вспотевшему лбу, волосы. Тоненькая полоска усов над верхней губой. Серые глаза, в которых ещё плещется ярость боя.

Правая рука немца лежала на каком-то рычаге – наводчик орудия? Или стрелок?

А черт его знает...

Ударившись о спину немца, граната упала куда-то вниз.

Ходу!

Сейчас так наподдаст!

Снова заныла перенапряженная нога – капитан оттолкнулся ею изо всех сил.

На долю секунды он завис в воздухе – и, со всей дури, приложился ногами об каменистый грунт.

Устоять не удалось, Ракутин кубарем покатился по земле.

Успел!

Перекатившись, он поискал глазами карабин – где-то ведь тут его оставил же?

А броневик?

Что-то там тихо...

Хренак!

Внутри боевой машины что-то ухнуло!

Из башни выбросило столб дыма. Полетело в воздух какое-то тряпье.

Во как!

Можем же!

Рука нащупала отполированное дерево приклада, и капитан на секунду отвернулся, подтаскивая к себе оружие. Здесь закончили, теперь можно и уползать. Именно уползать, потому что, над головою неприятно свистнули пули. Кто и откуда стрелял – выяснять было незачем. Хоть своя, хоть чужая – никакую пулю ловить башкой не хотелось. Да и немцы, не ровен час, пришлют к подбитому броневiku санитаров. А такая встреча в планы Алексея совсем не входила, и он снова поднял голову только после того, как переполз метров на восемьдесят в сторону немецких позиций. Прошло всего минуты полторы, а как многое уже успело измениться!

Головной советский танк уже никуда не спешил. Потеряв гусеницу, он наклонился на бок, подставив противнику борт. И этим уже воспользовались – надо отдать должное немцам. Над моторным отделением поднимался дымок, а из башенного люка свисало тело убитого танкиста.

А со стороны противника особенных потерь (если не считать броневика) заметно не было. Всё так же продолжала стрелять пушка от грузовиков и ей вторили танки. Как ни старался Ракутин, а разглядеть их так и не сумел. Скорее всего, они заехали в кусты или спрятались в пшенице. Во всяком случае, выстрелы доносились откуда-то оттуда.

Пыль на дороге уже осела и теперь стало видно, по кому же ведут огонь немцы.

Зарывшись носом в придорожную канаву, стоял грузовик – обычная полуторка. Видимых повреждений на ней не было. Судя по всему, её пассажиры успели повыпрыгивать на землю раньше, чем противник их разглядел. В подтверждение этому, из той самой канавы изредка посверкивали огоньки выстрелов – кто-то вел огонь по фашистам.

Но по ним стреляли только винтовки пехотинцев – у орудий была другая цель.

Разъярённым кабаном от дороги пер танк. «Т-34» – эту машину Алексей знал. На его глазах, очередной снаряд, выбил сноп искр из башни и от ricoшетиловал куда-то в сторону. Пушка не могла пробить броню.

И танкисты это понимали. Поэтому, орудие танка молчало – не та цель, танкисты искали немецкую бронетехнику. А вот спаренный пулемет – тот дал пару очередей. И удачно! После последней очереди немцы стали стрелять реже, видимо, пулеметчик кого-то там зацепил. Да, собственно говоря, немцы и успели-то пальнуть всего пару раз.

Танк, с ходу опрокинув орудие, пронёсся дальше, поводя стволом своей пушки. Ударил в бок и опрокинул грузовик. Испуганными зайцами метнулись в стороны пехотинцы. Один слегка подзадержался, пытаясь забросить на танк гранату. Но вот тут вступил в дело и Ракутин. К тому времени, он уже успел подобраться к немецким позициям поближе – метров на сто.

До нахального солдата было около полутора метров. Неблизко, но это – смотря для кого. Третьим выстрелом капитан всё-таки сшиб фрица на землю, гранату тот бросить не успел. Вернее, не совсем так – бросил, но, увы, недалеко. Она взорвалась в трех-четырех метрах от бросавшего. Так что в ту сторону можно было больше не смотреть – незачем.

А вот фашистские танки оказались более удачливыми. Они ударили почти что залпом – теперь их удалось разглядеть. Обе боевые машины стояли неподалеку. Они, как и раньше броневик, съехали в ложбину, и над землею торчали только их башни. Первый танк промахнулся, и снаряд, противно вереща, скрылся где-то вдалеке.

Второй ударил тридцатьчетверку в борт, и танк тотчас же сбавил скорость. Он не был ещё подбит, но какие-то повреждения, по-видимому, получил.

Выбросив в воздух фонтан земли, «Т-34» крутанулся на месте, разворачиваясь к противнику лбом. Понятное дело... там броня покрепче.

Чуть клонув вниз стволом, тридцатьчетверка резко затормозила.

Ба-бах!

И от ближайшего немецкого танка полетели брызги! В смысле – огненные брызги. Надо полагать, в башне нашей машины сидел неплохой стрелок, раз он ухитрился так метко вклепать снарядом прямо в точку! Немец вспыхнул чающим пламенем.

Ну, теперь – всё! Оставшийся танк брони «Т-34» тоже не пробьёт. Минута – не более, и уцелевшие танкисты станут искать убежище в пшенице.

Какое-то движение сбоку привлекло внимание Алексея, и он повернул туда голову. До немецких позиций оставалось уже не так далеко, двигаться приходилось осторожнее. Да, немцы сейчас отвлечены на танк и поэтому не очень-то смотрят по сторонам. По дороге они стреляют, это верно, а туда, откуда только что вел огонь броневик, не смотрят особо. Не ждут с той стороны неприятностей – свои там. Да и солдаты туда ушли, сейчас, небось, из лесу прут, что твой паровоз! Тем не менее, осторожность не помешает, а ну, как приглядится кто-то повнимательнее? Чай, красного командира от немецкого солдата отличат.

Пристальнее взглядевшись в сторону грузовиков, Ракутин аж поперхнулся. Из-за уцелевшей машины немцы выкатывали орудие. Почему оно там оказалось, отчего не стреляло раньше – бог весть. Но сейчас тонкий ствол уставился прямо в борт тридцатьчетверке. И дистанция – прямо-таки кинжальная, меньше ста метров! Один-два снаряда – и всё!

Резко остановившись, капитан припал на одно колено. До орудия отсюда метров семьдесят, можно прижать фрицев огнем!

Карабин скользнул в руки, и мушка заплесала на артиллеристах.

Выстрел!

Споткнулся и, выронив из рук снаряд, сунулся лицом в траву заряжающий.

Выстрел!

Мимо...

Черт, патроны все! Не перезарядился после стрельбы по гранатометчику!

Гах!

Подпрыгнув, пушка выбросила в сторону советского танка смертоносный «подарок».

С такой дистанции броня его не удержала – «Т-34» окутался дымом.

Но машина всё ещё жила – работал, надрываясь, двигатель, крутились гусеницы. Не сбавляя хода, танк выстрелил – от брони немца полетели искры.

Щелкнул затвор, и Алексей снова вскинул оружие.

Выстрелы прозвучали почти одновременно. Почти...

Но обмякший у прицела наводчик, успел нажать на спуск раньше.

Советский танк остановился... замолк двигатель, перестало стрелять орудие и не подавал более жизни пулемет.

Капитан смог выстрелить ещё один раз – опомнившиеся солдаты врезали по нему из всех стволов, пришлось снова нырять в траву. Упираясь руками в горячую землю, он отползал в сторону, а в голове билась одна и та же мысль: «Не успел... опоздал, растяпа!»

Однако же, разозленные фрицы просто так отпускать его не захотели. Из-за орудийного щита выскочило сразу несколько человек, устремившихся вдогонку за дерзким стрелком.

Хреново... Надежных укрытий здесь нет и после первого же выстрела, артиллеристы гвозданы по нагледу из пушки. Хотя и невеликого она калибра, однако же, танку хватило. Одинокому стрелку – и вовсе за глаза.

Оставался один вариант – подпустить немцев поближе, тогда орудие стрелять не станет, могут невзначай и своих накрыть разрывом. Ну, а с пехотой уж как-нибудь побоемся...

Скользнув в ложбинку, Ракутин перезарядил карабин – хватит уже ляпов, до гробовой доски такое не забыть! «Впрочем, долгие воспоминания навряд ли мне предстоят», – усмехнулся он. – «Фрицев выскочило много, человек десять. Да и в лесу – столько же. Много я тут с ними навоюю...»

Но, как бы оно все ни повернулось, легкой победы немцам ждать не приходилось. Карабин, пистолет, да две гранаты – уж трех-четырёх человек с собою прихватить можно! Да двое артиллеристов и солдаты в лесу. И броневики! «Дорого же я вам обойдусь...» – злорадно хмыкнул пограничник, раскладывая гранаты на импровизированном бруствере.

А разгорячённые бегом солдаты – всё ближе, уже и стрелять можно.

Вдобавок ко всем неприятностям, ожил и последний немецкий танк. Позвякивая какими-то железяками, он взобрался на гребень ложбинки, в которой немцы прятали свою технику. На секунду мелькнуло в воздухе замасленное днище, и капитан горько пожалел об отсутствии бронебойных патронов к трофейному карабину.

И в этот момент от дороги ударил пулемет.

Несколько точных очередей свалили на землю самых резвых фрицев. Прочие же немедленно залегли.

Артиллеристы среагировали почти моментально, и на дороге лопнул первый снаряд. Развернулся туда и танк, обнаружив, что старый противник всё ещё цел и опасен. За короткое время он рывком преодолел расстояние, отделявшее его от дороги. Перемахнул канаву и развернулся, встав по-над дорогой. Снова взревел двигатель, и броневая машина двинулась вдоль канавы, поливая пулеметным огнем всё, что экипаж видел перед собой.

Разом оборвалось стакатто очередей с нашей стороны. Немец, надо думать, смог кого-то там зацепить...

Подхватив с земли гранаты, Алексей перекатился вбок, уходя с прежней позиции. На дороге сейчас погибали свои, но с этого места он ничем не мог помешать немцам.

«До пушки долезть! – пришла в голову шальная мысль. – И толку? Расчет у неё, предположим, я заземлю... а дальше? Попасть снарядом из незнакомого орудия в движущийся танк? Угу... проще уж его ножом зарезать – шансов больше...»

Загибая вправо, капитан переползал между разбитым грузовиком и пушкой, оставляя их за спиной. Краем глаза он успел увидеть, как из лесу, несясь во весь дух, вылетели давешние немцы – весь десяток.

«И никто там себе даже ногу не подвернул!» – сплюнул с досады пограничник. – «Что мне стоило какую-нибудь ловушку устроить? Ага, и времени на это имелся целый вагон...»

Не обращая внимания на поле перед пушками, солдаты побежали к дороге.

А капитан пополз дальше, заходя в тыл артиллеристам.

Огибая разбитый снарядом грузовик, он на некоторое время задержался. Из приоткрытой двери свисал труп немца. А на его шее болтался автомат. «МП-38, знакомая штучка, – всплыло в голове название оружия. – В ближнем бою – самая та вещь, куда как поудобнее винтовки будет».

Помимо автомата и подсумков с запасными магазинами, у убитого ефрейтора отыскалась ещё и круглая граната. Тоже неплохо, такие находки поднимают боевой дух. Однако же и карабин бросать не хотелось, хорошая машинка, и бьёт точно, как успел убедиться в этом Алексей.

«Вот ведь проблема-то! Точно – как чемодан без ручки. Тащить тяжело, а бросить – жалко!»

Кулацкие раздумья капитана были прерваны самым неожиданным образом – кто-то зашелестел ветками кустов совсем неподалеку. Отбросив в сторону карабин, Алексей рухнул на землю, откатываясь в сторону. При этом он ухитрился взвести затвор автомата и направил оружие в сторону, откуда приближались неизвестные.

Неизвестные?

Ой ли?

Один-то человек там точно был, слух пограничника не подводил никогда. А вот двое... не факт!

По-видимому, звук падения капитана на землю, как-то спугнул и походившего человека – он тоже притих.

«Немец? Вряд ли... он бы прятаться не стал, тут все свои для него. Чужих нет, а своих товарищей и окликнуть можно. Но – не кричит, опасается. Чего? Точнее, кого? Меня? Вряд ли, я подполз тихо...» – лихорадочно соображал Ракутин. – «Немец, тот точно окликнет. Даже на помощь позовет, если заподозрит какую-то опасность. Но, этот молчит. Кто же там?»

На дороге с удвоенной силой захлопали выстрелы. Длинной очередью ударил пулемёт – не наш, немец стрелял. Громыхнул взрыв – судя по звуку, танкисты постарались.

И всё стихло, больше никто не стрелял.

Незнакомец в кустах никак на это не отреагировал.

«Точно, не немец! Этот уж как-то, да себя проявил бы!»

– Кто идет? – беря кусты на прицел, строгим голосом произнес Алексей.

– А вы кто?

По-русски разговаривает! И акцент у него, уж точно – не немецкий!

– Капитан Ракутин, погранвойска. Назовитесь!

– Ефрейтор Мусабаев Темир, механик-водитель.

– Так это твой танк подбили сейчас?

– Мой... погибли все и машина сломалась.

– А сюда зачем пополз?

– Так у меня оружия – наган и всё! Чем воевать с немцами? А здесь, может, что и найду.

– Нашел уже, вылезь!

Из кустов, держа в опущенной руке револьвер, вылез невысокий чумазый танкист в обгоревшем, местами прорванном, комбинезоне. Увидев выходящего капитана, он вытянулся.

– Товарищ капитан...

– Тихо! Не на плацу мы, ефрейтор! Не тянись – фашисты засекут! Вон, карабин лежит – его и бери, сейчас тебе патроны отдам. Бьет точно, я уже проверил. Вот ещё держи, как бросать – знаешь? – протянул Ракутин ефрейтору немецкую гранату-колотушку.

– Нет, товарищ капитан. Мы свои учили, а такую-то – и вижу в первый раз!

– Колпачок на ручке отвернешь, оттуда шарик выпадет. За него и дергай, опосля того – бросай! Долго горит – дольше нашей, учти!

От дороги донесся лязг гусениц. Алексей выглянул из-за грузовика. Немецкий танк, закончив свою грязную работу, возвращался к грузовикам.

– Вот что, Мусабаев. После говорить станем, видишь, фрицы возвращаются. Давай-ка, по-тихому, в вон ту рощицу отойдём. Немцам она без интереса, а нам с танком воевать нечем. Да и у пушки солдат многовато, не сдюжим мы сейчас их всех положить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.